

А. А. ГИППИУС

**ПРЕДИСЛОВИЕ К «СОФИЙСКОМУ ВРЕМЕННОМУ»
(КИЕВСКОМУ НАЧАЛЬНОМУ СВОДУ):
ТЕКСТ, ЯЗЫК, ИСТОЧНИКИ***

Опубликованная в XIII томе Известий ОРЯС за 1909 г. статья «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись» — одна из наиболее важных работ А. А. Шахматова о раннем русском летописании. В этой статье концепция Начального свода, разрабатывавшаяся ученым на всем протяжении его занятий русскими летописями, обрела свои «классические» очертания. Тезис об отражении в Новгородской 1-й летописи младшего извода (Н1Л¹) летописного свода, предшествовавшего созданию Повести временных лет, был дополнен отнесением к этому своду и предисловия Н1Л, читаемого также в летописях Новгородско-Софийской группы (НСГ) и связанных с ними летописных памятниках².

* Исследование выполнено в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Благодарю А. Ю. Виноградова, А. А. Зализняка, В. А. Кучкина, П. В. Лукина, А. А. Пичхадзе, П. С. Стефановича и А. А. Турилова за конструктивные замечания, высказанные в ходе обсуждения предварительного варианта статьи.

¹ Поскольку в старшем изводе Н1Л (Синодальном списке) начало отсутствует, что делает его нерелевантным для нашей темы, в дальнейшем, говоря об Н1Л, мы имеем в виду лишь ее младший извод.

² Реконструкция исходного вида Предисловия к Начальному своду дана А. А. Шахматовым в приложении к статье и, с небольшими изменениями, воспроизведена в книге 1916 г. [Шахматов 1916 (2003): 937—940]. Содержание Предисловия напомним словами самого Шахматова: «Киев назван по имени Кия, подобно тому, как Рим назван по имени царя Рима и т. п. Промыслу Божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если мы прибегнем к святым церквам, то получим большую пользу душе и телу. Засим автор обращается к читателю с просьбою уделить внимание его рассказу о том, каковы были древние князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли под себя другие страны. Те князья не собирали себе большого имени и не теснили людей вирами и продажами. А дружина князя кормилась, воюя другие страны, и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало

В более ранних работах (исключая вышедшие в 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», где представлен уже новый взгляд на Предисловие) Шахматов, следуя принятой в историографии XIX в. точке зрения, видел в Предисловии новгородский текст XIII в. Такая датировка целиком основывалась на заключительной фразе, определяющей хронологические пределы летописного рассказа временем «от Михаила цесаря до Александра и Исакия». М. П. Погодин [1857] первым отождествил царей Александра и Исакия с византийскими императорами Алексеем и Исааком Ангелами, фигурирующими в «Повести о взятии Царьграда фрягами» (в Н1Л под 6712 / 1204 г.), и предположил, что Предисловие было написано для Новгородской летописи, заканчивавшейся «Повестью».

Основанием для пересмотра этого представления, произведенного Шахматовым в статье 1909 г., стал, с одной стороны, анализ содержания Предисловия, выявивший соответствие реалий текста и его общей направленности исторической обстановке Киева 90-х гг. XI в., а с другой — обнаруженная возможность альтернативной идентификации «Александра и Исакия», отождествленных на этот раз с Алексеем Комниным (1090—1118) и его братом Исааком, севастократором. Опираясь на это двойное основание, Шахматов заключил, что Предисловие Н1Л («Софийского временника») является не элементом обрамления, полученного Начальным сводом в новгородской летописи, но органической частью самого этого свода. Из текста, маргинального для истории начального летописания, Предисловие сделалось таким образом важнейшим звеном шахматовской концепции. Это положение оно сохранило и в работах продолжателей Шахматова: М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Х. Алешковского.

Впрочем, как и гипотеза Начального свода в целом, шахматовская атрибуция Предисловия была воспринята последующей историографией далеко не единодушно. За прошедшие сто лет не растерял своих сторонников и старый взгляд на Предисловие как новгородское сочинение XIII в. (см. [Кузьмин 1977; Петрухин 1998]), а также новейшую работу [Цукерман 2009]). Свое крайнее выражение мнение о позднем новгородском происхождении текста получило в недавней статье киевского автора С. Фоллина [2009], датирующего создание Предисловия началом XV в. Одновременно в стане исследователей, разделяющих идею Начального свода, предпринимались попытки еще большего удревнения текста: В. К. Зиборов [1995] от-

предложенного ей жалованья. За наше несъятие Бог навел на нас поганых. Далее следуют благочестивые увещания. Предисловие оканчивается, как в Комиссионном списке Новгородской 1-й, так и в сводах, восходящих к Новгородскому своду 1448 г. (как Шахматов определяет общий протограф НСГ. — А. Г.), словами: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду извъстьно да скажемъ от Михаила царя до Александра и Исакия» [Шахматов 1909 (2003): 383].

нес его к своду 1076 г., а И. Н. Данилевский (правда, без специальной текстологической аргументации) — к Древнейшему своду 1037 г. [Данилевский 1997: 208—210].

Таким образом, с течением времени разброс в датировках Предисловия только увеличивался, достигнув к настоящему моменту почти четырех столетий, — случай едва ли не уникальный в историографии русского летописания. О том, что с изучением этого памятника дело обстоит неблагоприятно, говорит и отсутствие его современных публикаций. Вопреки значению для истории начального летописания, признаваемому за ним исследователями шахматовской школы, Предисловие не нашло себе места ни в академическом издании ПВЛ Д. С. Лихачева, ни на страницах «Памятников» и «Библиотеки литературы Древней Руси». Над этим текстом как будто тяготеет груз подозрений, препятствующих восприятию его как аутентичного произведения XI в.

Попытка развеять эти подозрения, продемонстрировав несостоятельность возражений против обоснованной Шахматовым датировки Предисловия, была предпринята в работе [Гиппиус 2006]. Как показало появление уже упомянутых работ С. Фоллина и К. Цукермана, попытка эта не увенчалась успехом — она, напротив, лишь стимулировала оформление позиции, полностью противоположной шахматовской. Спустя сто лет после выхода в свет работы Шахматова о Предисловии, последним словом науки об этом памятнике оказалось следующее высказывание: «*Предисловие к Софийскому временнику* — довольно топорная поделка позднего автора, не вполне хорошо владевшего языком и не способного изъясняться внятно. Текст объемом менее чем две страницы полон неловких выражений, стилистических неуклюжестей, которые выдают в его авторе скорее неумелого редактора чужих текстов, чем добротного писателя. Провозглашение его древним памятником — не более чем дань авторитету Шахматова» [Фоллин 2009: 152].

В своей оценке шахматовских гипотез в области начального летописания С. Фоллин не одинок, разделяя позицию, характерную для новейшей киевской историографии ПВЛ, см. [Вилкул 2003, 2007; Толочко 2008]. Полемика с этой тенденцией не входит в задачи настоящей статьи. Специфика критического выступления С. Фоллина заключается в активной апелляции к языковому и стилистическим данным, что вполне оправданно: им и в самом деле должна принадлежать решающая роль в атрибуции текста, особенно когда речь идет о выборе между XI и XV в. Однако вердикт, вынесенный исследователем на основании этих данных, представляется неоправданным и преждевременным.

«[С]тилистика Предисловия, — пишет С. Фоллин, — заслуживала бы специального внимания филологов. Глаз постоянно цепляется за несуразности и нелепости, выдающие руку почти малограмотного автора. Ср.: *придаху подь ся; ни творимыхъ вирь ... вскладаху люди; жены ... расплодили были землю Руськую; останемся от несытьства; нарицають тако пе-*

ревозника бывша; нарицають ... же ловы дѣяше; како во имя назвася и т. д.» [Фоллин 2008: 148, прим. 148]. Занесение в список «нелепостей» нормального для древнерусских памятников управления *остатися от чего-л.* и восточнославянского плюсквамперфекта *расплодили были* оставим без комментария. Важнее другое: четыре приведенных контекста, действительно неудовлетворительные в смысловом и стилистическом отношении, суть индивидуальные чтения Толстовского списка Н1Л XVIII в., по которому, из-за утраты листов в Комиссионном и Академическом списках, текст Предисловия был опубликован А. Н. Насоновым [НПЛ: 103—104]; в Троицком списке Н1Л и летописях Новгородско-Софийской группы им соответствуют не вызывающие подобных нареканий варианты. Ср.: *придаху подъ ся / примаху подъ ся; вскладаху люди / вскладаху на люди; тако перевозника бывша / древле перевозника бывша; како во имя назвася / како воименовася.*

Всем, кому приходилось приводить текст Предисловия по изданию А. Н. Насонова (по которому он обычно цитируется), должны быть знакомы связанные с этим трудности, вызванные ущербностью Толстовского списка — одного из худших списков памятника, в силу случайных обстоятельств сделавшегося его наиболее известным представителем³. Поновленные и испорченные чтения Толстовского списка кажутся во многом ответственными за окружающую Предисловие атмосферу скептицизма, препятствующую восприятию его как полноценного раннедревнерусского текста.

Это положение делает важнейшей задачей изучения Предисловия (актуальной безотносительно к спорам о времени создания текста) реконструкцию архетипа, к которому восходят все сохранившиеся списки. В отсутствии такой реконструкции любое филологическое утверждение об этом памятнике неизбежно повисает в воздухе.

Сразу оговорим, что речь идет именно о реконструкции несомненно существовавшего архетипа начала XV в., а не гипотетического древнего оригинала, опыт восстановления которого был предложен Шахматовым в приложении к его статье. Реконструкция последнего составляет отдельную задачу уже второго порядка, постановка которой, как будет показано ниже, с необходимостью вытекает из результата первой реконструкции.

³ Неудовлетворительность чтений Толстовского списка Н1Л хорошо видна из сопоставления двух вариантов реконструкции Предисловия, опубликованных Шахматовым. Реконструируя текст в 1909 г., Шахматов взял за основу версию Софийской 1-й летописи. В книге 1916 г. он реконструировал Предисловие в составе Начального свода и должен был поэтому опираться на списки Н1Л. Притом, что текстуальные отличия двух реконструкций минимальны (за исключением заголовка, который в первой из них отсутствует), критический аппарат во втором случае существенно разросся — из-за необходимости оговаривать все отступления от Толстовского списка.

В соответствии с только что сказанным дальнейшее изложение строится в два этапа. На первом этапе на основе сопоставления списков Предисловия мы восстанавливаем состояние текста в «Софийском временнике» начала XV в., к которому восходят все сохранившиеся свидетельства. На втором этапе реконструируется исходный вид Предисловия и дается филологический комментарий к этой реконструкции.

**От списков к архетипу:
Предисловие в «Софийском временнике» начала XV в.**

«Предисловие, — писал А. А. Шахматов, приступая к его реконструкции, — не вошло в состав ПВЛ. Поэтому единственным источником для знакомства с ним оказывается новгородский свод начала XV в., Софийский временник, не дошедший до нас в первоначальном своем виде, но известный по позднейшим сводам, воспринявшим текст Софийского временника в более или менее измененном виде» [Шахматов 1909 (2003): 405].

Понятие «Софийский временник», как известно, толкуется в литературе неоднозначно. Сам Шахматов, в более поздней работе о Киевском Начальном своде, относил его к младшему изводу Н1Л, имея в виду, однако, не общий протограф Комиссионного и Академического списков (доведенный до 1439 г.), а предшествовавшую ему редакцию, созданную в 1433—1434 гг. [Шахматов 1947: 137—138]. Такая «текучесть» термина вызвана объективной сложностью самого обозначаемого объекта, каковым при любом понимании «Софийского временника» оказывается основной массив новгородского летописания XII — первой трети XV в., связанный институционально с архиепископской кафедрой, а территориально — с Софийским собором. Прежде чем отразиться в Н1Л в ее известном нам виде, этот массив претерпел сложную эволюцию. Развитие его шло, с одной стороны, путем постепенного накопления погодных записей владычных летописцев, а с другой — путем их периодической переписки, иногда сопровождавшейся редактурой и включением дополнительных материалов. Один из таких «срезов» новгородского владычного летописания первой трети XV в., начинавшийся Предисловием, был использован протографом Новгородско-Софийской группы летописей в соединении с центрально-русским источником, в начале которого читалась Повесть временных лет. Названию своего новгородского источника — «Временникъ, еже нарицается лѣтописание русских князии и земля Рускыя» — составитель Новгородско-Софийского свода предпослал определение «Софийский», указав таким образом на его происхождение; ср. [Бобров 2001: 123; Наказова 2006: 259—266]⁴.

⁴ В большинстве списков летописей Новгородско-Софийской группы это прилагательное находится строкой выше слова «Временник», открывающего новую строку и начинающегося инициалом. Это означает, что выделяемое публикаторами

Таким образом, сочетание «Софийский временник», никогда не бывшее самоназванием летописи, имеет смысл лишь как условный термин, обозначающий Новгородскую владычную летопись в том виде, в каком она была использована в Новгородско-Софийском своде.

Характер отражения понимаемого таким образом Софийского временника в НЛ принципиально отличен от характера его отражения в Новгородско-Софийском своде. В то время как НЛмл представляет собой воспроизведение «Временника» на более продвинутом этапе его существования, Новгородско-Софийский свод использовал его как один из источников, в своей начальной части — в соединении с текстом ПВЛ. Отсюда — различие в положении, занимаемом Предисловием в этих памятниках: в НЛ Предисловие, как и пристало тексту этого жанра, открывает летопись, в НСГ оно читается уже по ходу летописного повествования, после начальных выписок из ПВЛ, завершающихся рассказом о хазарской дани.

Взаимные отношения между летописями Новгородско-Софийской группы и списками НЛ, вероятно, еще долгое время останутся предметом дискуссий. По ряду вопросов, однако, консенсус уже достигнут. К числу таких общепризнанных положений относится и следующее: главным новгородским источником свода — протографа НСГ послужила летопись типа НЛ, представлявшая, однако, более ранний этап развития текста, чем тот, который засвидетельствован Комиссионным и Академическим списками. Это означает, что для реконструкции исходного вида фрагментов, читаемых как в НЛ, так и в НСГ (к числу которых относится и Предисловие), списки НЛ и летописи Новгородско-Софийской группы представляют равный интерес как независимые свидетельства⁵. Сопоставление этих двух

сочетание «Софийский временник» для составителя Новгородско-Софийского свода не существовало: прилагательное «софийский» относилось им не к «Временнику», но к подразумеваемому «лѣтописецъ» — ср. аналогичное употребление прилагательного в известных пометах «иши в кыевском», читаемых в списках Софийской 1-й летописи и, скорее всего, также восходящих к протографу НСГ, см. [Кистерев 2000].

⁵ Непонимание этой элементарной текстологической логики заставляет С. Фоллина иронизировать по поводу того, что Шахматов, настаивая на отражении Начального свода в НЛмл, взял за основу реконструкции Предисловия к этому своду Софийскую 1-ю летопись. Исследователь приписывает Шахматову интеллектуальную раздвоенность, противопоставляя абстрактное теоретизирование о Начальном своде трезвому анализу конкретных рукописей. «Приложение к статье, в котором Шахматов обосновывает свой выбор в пользу *Соф 1*, написано как будто другим исследователем, не принимающим в расчет идеи Шахматова об отражении *Начального свода* именно в *НЛмл*. Каким-то непостижимым образом оказывается, что *Начальный свод* и *Предисловие* к нему живут двумя различными археографическими жизнями: предисловие мигрирует по рукописям отдельно от остального текста летописи, который мигрирует по совершенно другим рукописям. Как случилось, что *Предисловие* оторвалось от летописи, и как случилось, что этот “ото-

ветвей рукописной традиции Предисловия позволяет реконструировать его архетип с высокой степенью надежности.

Предлагаемая ниже реконструкция в своих текстологических основаниях (и как следствие — в результатах) несколько отличается от предложенной А. А. Шахматовым.

Во-первых, рассматривая в качестве самостоятельной задачи реконструкцию архетипа сохранившихся списков Предисловия, мы, естественно, восстанавливаем этот архетип вместе со свойственными ему ошибками, не пытаясь на данном этапе исправить эти ошибки. Как нам предстоит убедиться, само наличие этих ошибок и их характер представляют для истории текста памятника исключительный интерес.

Во-вторых, мы несколько иначе оцениваем относительную значимость основных источников реконструкции и характер их отношений между собой. Оговорим главные из таких расхождений.

Наиболее надежным основанием для реконструкции Предисловия Шахматов считал текст летописей Новгородско-Софийской группы (Новгородской 4-й и Софийской 1-й), отдавая им приоритет над списками НІЛ в силу того, что последняя, как полагал ученый, сама испытала известное влияние со стороны «Свода 1448 г.» (т. е. протографа НСГ). Свидетельство такого влияния принято усматривать во входящих в НІЛ повестях общерусского содержания: об Александре Невском (6748, 6750, 6754, 6759), Михаиле Черниговском (6753), о Куликовской битве (6888). Шахматов [1938: 164] считал эти тексты заимствованными из Новгородско-Софийского свода, с чем согласны Я. С. Лурье [1976: 91—93], Ю. К. Бегунов [1959: 228—238], А. Г. Бобров [2001: 89] и другие авторы. Результаты новейших исследований заставляют, однако, иначе трактовать данный вопрос. Согласно выводу Т. В. Гимона [2006: 118], основанному на анализе разночтений списков НІЛ, летописей Новгородско-Софийской группы и Тверского сборника, включение в Новгородскую летопись житийных по-

рванный” вид оказался древнее и исправнее того, что остался при *Начальном своде* (т. е. в *НПЛмл*), Шахматов не пояснил, да, вероятно, и не задумался об этом» [Фоллин 2009: 150]. В действительности загадочные «миграции» суть плод воображения самого С. Фоллина, приписывающего Шахматову абсурдные утверждения вроде того, что «впервые Предисловие к Софийскому временнику появилось в списках Софийской первой летописи» [Там же]. Приводя слова Шахматова о том, что «Софийским временником и названа была в Новгороде Новгородская 1-я летопись младшего извода» [Шахматов 2003: 445], Фоллин не замечает, что Шахматов имеет здесь в виду «раннюю редакцию» младшего извода НІЛ, далеко не тождественную тексту Комиссионного и Академического списков. Справедливости ради заметим, что представление Шахматова об этой «ранней редакции» было довольно неустойчивым; однако ответы на вопросы, над которыми, как полагает Фоллин, «не задумался» Шахматов, ясны из его текстов любому внимательному и непредвзятому читателю.

вестей об Александре Невском и Михаиле Черниговском было сделано на этапе, предшествовавшем созданию копии владычной летописи, использованной составителем Новгородско-Софийского свода. Этот вывод согласуется с заключением В. А. Кучкина [Кучкин 1998], показавшего, что рассказ Н1Л о Куликовской битве не является извлечением из Новгородско-Софийского свода, но, напротив, первичен по отношению к тексту Новгородской 4-й и Софийской 1-й и восходит к тому же источнику, что и текст Рогожского летописца. Поскольку других убедительных свидетельств влияния протографа НСГ на протограф НПЛмл до сих пор приведено не было, две группы списков оказываются абсолютно равноценны как отражения текста Предисловия.

Из летописей Новгородско-Софийской группы Шахматов использовал в своей реконструкции Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю, причем Софийская 1-я была выбрана им в качестве основного списка. Введенное позже самим Шахматовым подразделение обеих летописей на редакции (изводы) — старшую и младшую — в работе 1909 г. еще не нашло отражения. Не была в то время известна Шахматову и Новгородская Карамзинская летопись (НК) — третий представитель Новгородско-Софийской группы. Происхождение необычной структуры НК, имеющей вид двух летописных подборок, и ее соотношение с Н4 и С1 является предметом непрекращающейся дискуссии. Не решаясь принять в ней ту или иную сторону, мы условно рассматриваем три летописи как ответвления Новгородско-Софийского свода, подразумевая под последним тот летописный памятник первой трети XV в., в котором текст Новгородской владычной летописи был впервые соединен с текстом ПВЛ, — и ничего больше.

Из рукописей Н1Л Шахматов ставил на первое место Толстовский список, представляющий собой копию с Академического списка XV в., снятую в 20-х гг. XVIII в., когда последний еще сохранял утраченные ныне листы с Предисловием. Однако Толстовский список является не единственным отражением утраченного текста Академического: в 1730-х гг. с рукописи была сделана еще одна копия, известная как список Филиппса и хранящаяся в Прусской королевской библиотеке в Берлине. На длительное время исчезнувший из поля зрения исследователей, список Филиппса был совсем недавно вновь введен в научный оборот [Майоров 2008]; копиями этой рукописи являются Воронцовский и Румянцевский 2-й списки Н1Лмл.

Наличие в нашем распоряжении двух независимых копий Академического списка в высокой степени компенсирует утрату начальных листов в нем самом. Действительно, опираясь на общий текст Толстовского списка и списка Филиппса, а при расхождении между ними выбирая то из чтений, которое поддерживается другими летописями, текст Предисловия в Академическом списке можно реконструировать практически целиком и с полной достоверностью. Для концовки Предисловия мы располагаем и параллельным текстом Комиссионного списка.

Отдельную проблему составляет текстологический статус Троицкого списка Н1Л (Тр.). В статье о Предисловии Шахматов предполагал использование составителем Троицкого списка четырех источников: «а) Комиссионным списком Новгородской 1-й летописи, б) каким-то суздальским сводом, содержащим ПВЛ; в) какою-то особою редакцией Софийской 1-й летописи; г) первоначальною редакцией Новгородской 1-й летописи (сводом 1433 г.)» [Шахматов 1909 (2003): 406]. В такой оценке сказалось преувеличенное представление Шахматова о степени сложности текстуальных связей между летописными сводами XV в. В действительности ничто не говорит об использовании составителем Тр. самого Комиссионного списка, а не его протографа. Из ПВЛ составителем Тр. было, несомненно, выписано его окончание. Установлено и происхождение этого окончания: как показал Б. М. Клосс [1974: 254], источником его послужила Новгородская 5-я летопись. Однако никаких свидетельств влияния этой летописи на основной текст Тр. до сих пор предъявлено не было. Нет, на наш взгляд, и оснований предполагать влияние со стороны Софийской 1-й летописи: примеры, на которые ссылается Шахматов, недостаточно показательны и допускают иное объяснение.

Таким образом, ничто не мешает считать Троицкий список в его основном протяжении (до 1015 г.) отражающим единственный источник, который Шахматов определяет как первоначальную редакцию Новгородской первой летописи (свод 1434 г.)⁶. К чтением этого свода, восстанавливаемым по Тр., Шахматов относил в первую очередь передачу имен императоров в заключительной фразе Предисловия: «до Олекси, Исакья» (в остальных списках Н1, как и в Н4—НК—С1: «до Александра (Олександра) и Исакья»). В «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» Шахматов привел еще несколько примеров первоначальных чтений Тр., но примеры эти, как отметил А. Г. Бобров [2001: 77], проверкой не подтверждаются. На наш взгляд, первичные по сравнению с другими списками Н1Л чтения Тр. все же имеются, заставляя возводить его к копии владычной летописи, отличной от общего оригинала Комиссионного и Академического списков⁷. Едва ли, однако, к их числу следует относить чтение «до Олекси Исакья». Признание его первоначальным, а варианта «до Александра и Исакья» — вторичным делает необъяснимым присутствие последне-

⁶ Основанием для такого определения является читаемая в Тр. дополнительная статья «А се роды рускихъ князей», заканчивающаяся именем Юрия Дмитровича, занимавшего великокняжеский стол в 1433—1434 гг.

⁷ Так, в статье 6463 г. читаем: «и рече царь: приключала мя Олга» и ниже: «она же, хотящи домовъ, придѣ к патриарху», что соответствует чтением ПВЛ, тогда как Комиссионный и Академический списки дают явно вторичные чтения: «упремудри мя Олга» и «хотящи возвратитися къ странѣ своеи»; предполагать же, что писец Троицкого списка восстановил первоначальные чтения ПВЛ, искаженные в его протографе, оснований нет.

го не только в других списках Н1Л, но и в летописях Новгородско-Софийской группы, создание протографа которой в настоящее время датируется большинством исследователей 1410 гг. Шахматов объяснял наличие этого чтения в Комиссионном списке влиянием Новгородско-Софийского свода, но в отсутствие других свидетельств такого влияния (о чем см. выше) такое предположение было бы объяснением *ad hoc*.

Правильной представляется поэтому точка зрения С. Фоллина, считающего чтение «до Александра и Исакия» первоначальным и объясняющим индивидуальное чтение Троицкого списка правкой, произведенной его составителем. В пользу этого, заметим, свидетельствует и обычно не акцентируемая (хотя и очевидная) грамматическая нерегулярность чтения Троицкого списка: «Олекси Исакия» вместо ожидаемого «Олексы и Исакия». Ее возможно объяснить копированием оригинала, в котором исход первого имени в «стандартном» чтении «до Олександра и Исакия» был подскоблен или зачеркнут, результатом чего явилась именно та буквенная последовательность, которую находим в Троицком списке: «олекс(андра)иисакия» → «олексиисакия». По всей вероятности, кто-то из читателей рукописи, соотнеся фразу с «Повестью о взятии Царьграда», попытался исправить ошибочное, с его точки зрения, чтение.

Помимо списков Н1Л и летописей Новгородско-Софийской группы Шахматов называет среди источников своей реконструкции также Новгородскую 5-ю летопись и Тверской сборник, предполагая независимое отражение в этих памятниках текста Софийского временника. Новгородская 5-я, как показал Шахматов, положила в свое основание текст Новгородской 4-й летописи младшего извода, заменив его на двух отрезках (955—996, 1384—1405) текстом Новгородской 1-й летописи. Предисловие читается в той части Н5, в которой она следует Н4, и оснований предполагать правку по Н1 текст не дает: мы находим в нем все характерные чтения Н4 младшего извода (см. перечень ниже), наряду с добавлениями, явно принадлежащими составителю. Не удивительно, что в реконструированном Шахматовым тексте индивидуальные чтения Н5 отражения не нашли.

Сходным образом дело обстоит и с Тверским сборником, использующим Софийскую 1-ю летопись в соединении с летописью типа Н1Л. Как и в предыдущем случае, текст Предисловия в Тв. определенно восходит к летописи из Новгородско-Софийской группы, демонстрируя на этот раз все характерные приметы С1 старшего извода (см. перечень ниже). Чтения, в которых Тв. отклонялся бы от С1ст, совпадая с Н1Лмл (что могло бы свидетельствовать о параллельном использовании составителем Новгородской владычной летописи), в тексте Предисловия отсутствуют. Однако, в отличие от Н5, пользование Тв. в одном случае отразилось в реконструкции Шахматова. На основании Тв. Шахматов восстанавливает чтение «не жадааху» с отрицательной частицей, отсутствующей во всех остальных списках. Теоретическая возможность сохранения в Тв. первоначального чтения, одинаково искаженного в других списках, действительно имеется:

по данным Т. В. Гимона [2006: 118—119], Тв. восходит к списку Новгородской владычной летописи, предшествовавшему расхождению вариантов Н1Л и НСГ. Однако привлекать эту возможность для объяснения данного различия оснований нет: как указал нам В. А. Кучкин, частица *не* в Строевском списке, по которому Тверской сборник опубликован в ПСРЛ, дописана другим почерком; во втором же, Забелинском списке памятника, она отсутствует. Таким образом, кто-то из читателей Строевского списка просто исправил чтение, справедливо показавшееся ему ошибочным.

Описанное соотношение основных летописных памятников, донесших до нас текст Предисловия, нужно признать вполне благоприятным для реконструкции архетипа. Наличие двух независимых ветвей традиции, какими мы склонны считать Н1Л и НСГ, дает объективное основание для критики вариантных чтений, позволяя уверенно отбраковывать как вторичные чтения отдельных списков и групп списков, не представленные в другой ветви.

Приведем перечень определяемых таким образом вторичных чтений двух летописей Новгородско-Софийской группы и их изводов.

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи (С1 ≠ НК = Н4 = Н1):

«рускихъ князей» / «рускихъ князеи и земля Руския»;
 «его же древле нарицають» / «его же нарицають древле»;
 «церкви стоять златоверхия» / «церкви златоверхия»;
 «исполнени черноризецъ (-зцевъ)» / «исполнени черноризци»;
 «скоро извѣтятся» / «извѣтятся»;
 «възлюбленная моя» / «моя възлюбленная».

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи старшего извода (С1ст ≠ С1мл = НК = Н4 = Н1):

«лѣтописецъ» / «лѣтописание»;
 «перевозника суща» / «перевозника бывша»;
 «а ту взимааше» / «а ту возма»;
 «имѣния наша» // «имѣния».

Вторичные чтения Софийской 1-й летописи младшего извода (С1мл ≠ С1ст = НК = Н4 = Н1):

«велику пользу принять души же и тѣлу» / «велику пользу принять души и тѣлу»;
 «доволни будите» / «но доволни будете»;
 «сбираеть» / «сбираеть я».

Вторичные чтения Новгородской 4-й летописи (Н4 ≠ С1 = НК = Н4 = Н1):

«градъ Кыевъ» / «градъ великыи Кыевъ»;
 «Римъ градъ» / «градъ Римъ».

Вторичные чтения Новгородской 4-й летописи младшего извода ($H4_{мл} \neq H4_{ст} = НК = С1 = Н1$):

«въ послѣдняя лѣта» / «въ послѣдняя времена»;
«имѣния многа» / «многа имѣния»;
«бьющися, ркуще» / «бьющися».

Отметим, что надежные примеры вторичных чтений, которые бы объединяли какие-либо две из летописей НСГ в противоположность третьей, в тексте Предисловия отсутствуют. Не беремся интерпретировать этот факт с точки зрения соотношения трех летописей — не исключено, что он обусловлен лишь незначительным размером нашего текста. Но если это соотношение не случайно, то оно может быть объяснено лишь исходя из схемы Г. М. Прохорова — А. Г. Боброва, предполагающей независимое восхождение НК, Н4 и С1 к протографу первой подборки НК (по Боброву — своду 1411 г.).

В двух случаях варианты распределены между Н1мл и НСГ ($H1 \neq НК = H4 = С1$), что делает невозможным выбор первоначального чтения на основе стеммы:

«прозвани быша гради» / «прозвани быша гради ти»;
«звань бысть градъ» / «прозвань бысть градъ».

Индивидуального разбора требуют случаи, в которых варианты (одни и те же или разные) присутствуют в обеих ветвях традиции. Случаи эти таковы⁸.

⁸ Использованы следующие летописные памятники и их списки: *Новгородская Карамзинская летопись* (НК), кон. XV—нач. XVI в. (РНБ, F. IV.603). *Новгородская четвертая летопись* (Н4) — старший извод: Голицынский список (Г), нач. XVI в. (РНБ, Q.XVII.62); Новороссийский список (Н), 70-е гг. XV в. (БРАН, Тек. пост., № 1107); младший извод: Фроловский список (Ф), 70—80 гг. XV в. (РНБ, F.IV.235); Синодальный список (С), 1544 г. (ГИМ, Син., № 152 [ПСРЛ, 4: 8—10]). В Строевском, Толстовском, Академическом списках Н4 текст Предисловия отсутствует. *Софийская первая летопись* (С1) — старший извод: Карамзинский список (К), 2-я пол. XV в. (РНБ, Q.IV.298); список Оболенского (О), 70—80-е гг. XV в. (РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 2, № 3 [ПСРЛ, 6: 11—12]); младший извод: Толстовский список (Т), кон. XV в. (РНБ, F.IV.211); Бальзеровский список (Б), кон. XV в. (СПБИБИ, колл. 11, оп. 1, собр. Арх. ком., № 23); список Царского (Ц), нач. XVI в. (ГИМ, Увар., № 248 [ПСРЛ, 39: 9]); *Новгородская первая летопись младшего извода* (Н1): Комиссионный список (К), сер. XV в. (СПБИБИ, собр. Археографической комиссии, № 240 [НПЛ: 104]); Толстовский список (Т), сер. XVIII в. (РНБ, F.IV.23 [НПЛ: 103—104]); список Филиппа (Берлинский, Ф), 1738 г., (Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. Ms. Phil. 1987; Троицкий список (Тр), 60-е гг. XVI в. (РГБ, собр. МДА, № 69 [НПЛ: 511—512]). Опубликованные списки цитируются по изданиям, остальные — по рукописям. Берлинский (Филиппа) список Н1Л цитируется по фотокопии, любезно предоставленной нам А. В. Майоровым. Под сиглой Н1*Ак приводятся чтения, общие для Толстовского и Берлинского (Филиппа) списков Н1Л, с полной надежностью возводимые к Академическому списку.

- НК:* туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя
Н4: туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя
С1ст: туда же нынѣ святыя церкви *стоять* златоверхыя каменозданыя
С1мл: туда же нынѣ святыя церкви *стоять* златоверхыя каменозданыя
 (Б, Ц)
 туда же нынѣ церкви святыя *стоять* златоверхыя каменозданыя (Т)
*Н1*Ак:* нынѣ же паки туды святыя церкви златъверхыя каменозданныя
стоят (Т)
 нынѣ же паки туды святыя церкви *и* златоверхыя каменозданныя
стоят (Ф)
Н1Тр: туда же нынѣ святаа церькви златоверхыя каменозданныя
α: **туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя**

Различное положение сказуемого *стоять* в С1 и Н1*Ак, а также представленность варианта с эллипсисом сказуемого в обеих ветвях традиции позволяют уверенно возводить к архетипу (α) этот последний.

- НК:* въ молитвахъ, въ бдѣнии, *и* въ постѣ, *и* въ слезахъ
Н4: въ молитвахъ, въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ (С: постѣхъ)
С1ст: въ молитвахъ, въ бдѣниихъ, въ постѣхъ, въ слезахъ
С1мл: въ молитвахъ *и* въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ (Т)
 в молитвахъ *и* бдѣнии, *и* въ постѣхъ *и* слезахъ (Б, Ц)
*Н1*Ак:* въ молитвахъ, во бдѣнии, въ постѣ *и* въ слезахъ
Н1Тр: въ молитвахъ, во бдѣниихъ, въ посте, въ слезахъ
α: **въ молитвахъ, въ бдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ**

Варьирование проявляется: 1) в наличии/отсутствии союзов и 2) в выборе формы числа второго и третьего членов ряда. Разнобой между списками в постановке союзов, а также наличие полностью бессоюзного варианта в обеих ветвях традиции позволяют уверенно возводить последний к архетипу. Во втором отношении наблюдаем такой же разнобой в постановке во множественном числе третьего члена (Н4С), второго и третьего (С1ст), второго (Н1Тр), при наличии варианта со вторым и третьим членами в единственном числе в обеих ветвях. В качестве первоначального, таким образом, однозначно восстанавливается чтение старшего извода Н4.

- НК:* аще бо къ святымъ сыи прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику ползу
 прииметь души и тѣлу
Н4ст: аще бо къ святымъ церквамъ прибѣгнетъ, тѣ велику ползу при-
 имуть души и тѣлу (Н);
 аще бо къ святымъ сыи прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику ползу
 прииметь души и тѣлу (Г);
Н4мл: аще бо къ святымъ сыи прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику ползу
 прииметь душѣ и тѣлу;
С1ст: аще бо къ святымъ сыи ц(е)рквемъ прибѣгнетъ, тѣмъ велику ползу
 прииметь души и тѣлу (О; К: сыи прибегнетъ церквамъ);

- С1мл*: аще бо къ святымъ сы прибѣгнеть церквамъ, тѣмъ велику пользу
приметь души же и тѣлу (Т);
аще бо къ святымъ прибѣгнеть церквамъ, тѣмъ велику пользу при-
иметь души же и тѣлу (Б);
аще бо къ святымъ прибѣгнууть церквамъ, тѣмъ великоу пользоу
приметь души же и тѣлу (Ц);
- Н1*Ак*: Аще бо къ святымъ сѣи прибѣгнемъ церквамъ, тѣмъ велику ползу
приметь души и тѣлу.
- Н1Тр*: Аще бо къ святымъ сѣи прибѣгнет церквамъ, тѣмъ велику пользу
приметь души и тѣлу
- а:** **Аще бо къ святымъ сѣи(и) прибѣгнеть церквамъ, тѣмъ велику
пользу приметъ души и тѣлу**

Несмотря на то что причастие *сѣи* в данном контексте совершенно неуме-
стно, оно, несомненно, читалось уже в архетипе. Это — одна из ошибок
архетипа Предисловия, о которых уже упоминалось выше.

- НК*: Мы же на послѣднее възвратимся
Н4: Мы же на послѣднее възвратимся
С1: Мы же на послѣднее възвратимся
*Н1*Ак*: Мы же паки на послѣдование възвратимся
Н1Тр: Мы же на преднее възвратимся
а: **Мы же на послѣдование възвратимся**

Чтение *Н1*Ак* возводится к архетипу как *lectio difficilior*, из которого в
равной степени выводимы два других варианта.

- НК*: и како обараху Рускыя земли
Н4ст: отбараху (Г), отбораху → отборо^нху (Н)
Н4мл: обороняху (С), оборааху (Ф)
С1ст: обарааху (О), отбараху (К)
С1мл: отбараху (БТ), отбароняху (Ц)
*Н1*Ак*: отбараху (отбараху Т, отбираху Ф)
Н1Тр: ѿ обороняху
а: **и како отбараху Рускыя земля**

Варианты противопоставлены в трех отношениях: 1) приставкой (*от-* / *о-*);
2) использованием глагольной основы, восходящей к **borniti* (др.-р. *боро-
ниту*) или **barati*; 3) огласовкой корня (*о/а*). Начав с третьего параметра,
можно отвести как безусловно вторичные этимологически неправильные и
текстологически маргинальные варианты *отбораху* и *обораху*. В плане вы-
бора основы варианты, восходящие к **borniti* (*отборо^нху*, *отбароняху*) об-
наруживают свою периферийность в рамках *Н4* и *С1*, а следовательно, и
НСГ в целом; в протографе этой группы могло стоять только *отбараху* или
обараху. Первый из этих вариантов находит поддержку в *Н1*Ак*, и именно
его нужно признать первоначальным. По сравнению с чтением *Н1Тр* *обо-
роняху* этот вариант предпочтителен также как *lectio difficilior*. Выигрывает

он и в сравнении с *обараху*, которое считал первоначальным чтением Шахматов. Глагол *обарати* не засвидетельствован историческими словарями русского языка и в Предисловии должен был бы трактоваться как гапакс. Между тем *отбарати* в значении ‘давать отпор’ зафиксировано в Изборнике 1073 г., хотя и с другим управлением: «рать приемлюште, не отбараимъ имъ» [СлРЯ XI—XVII, 13: 180].

- НК:* а ту вземъше даяше дружинѣ на оружьи
Н4ст: а ту возмя даяше дружинѣ на оружии (Г; Н: на оружии)
Н4мл: а ту възмя даяше дружинѣ на оружья
С1ст: а ту взимаше и дружинѣ на оружие дая (О)
а ту взимаше и дая дружинѣ на оружие (К)
С1мл: и ту возма, даяше дружинѣ на оружие (Г)
и ту возма, даяше дружинѣ на оружии (Б)
*Н1*Ак:* а ту возмя, даяше дружинѣ на оружие
Н1Тр: а ту возмя, даяше дружинѣ на оружие
а: а ту возма даяше дружинѣ на оружии

Хотя вариант *на оружье* представлен в обеих ветвях традиции, а *на оружьи* — только в НСГ, считать последний вторичным не следует. Форма местного падежа в данном контексте есть, безусловно, *lectio difficilior* и может восходить к архетипу. Замена на более тривиальную форму аккузатива вполне могла быть независимо произведена в разных списках.

- НК:* и ждаху: «мало ми е^с, княже, 200 гривенъ»
Н4ст: ждыху: «мало ми е, княже, 200 гривенъ» (Н)
ждыху: «малое ми княжение 200 гривенъ» (Г)
Н4мл: ждаху: «мало ми е^с, княже, 200 гривенъ»
С1ст: ждыху: «мало ми е⁹, княже, 200 гривенъ»
С1мл: ждыху: «мало ми е^с, княже, 200 гривенъ»
*Н1*Ак:* глаголюще: «мало ми е^с намъ, княже, дву сотъ гривенъ» (Т)
глаголюще: «мало ми е^с намъ, княже, 200 гривенъ» (Ф)
Н1Тр: женияху: «мало ми е князь же, дву сотъ гривенъ»
а: ждыху: «мало ми е, княже, 200 гривенъ»

За исключением позднейшего исправления в Тверском сборнике, ни один из вариантов не дает удовлетворительного смысла: архетип, несомненно, содержал здесь ошибку. Вторичность обоих чтений Н1Л не вызывает сомнений, так что выбирать приходится между *ждыху* и *ждаху*. Морфологическая неправильность первого варианта позволяет видеть именно в нем чтение архетипа, в части списков замененное регулярным образованием *ждаху*. К происхождению самой формы *ждыху* мы еще вернемся.

⁹ «Мало ми е», читаемое в обоих списках С1 старшего извода, в издании ошибочно передано как «мало мне» [ПСРЛ 6: 12]. Благодарю И. Ю. Анкудинову, проверившего чтение данного места в списке Оболенского.

Большой интерес представляет и другое разночтение в данном контексте. Наряду со «стандартным» вариантом «мало ми есть» в обеих ветвях традиции находим вариант «мало ми е», с широко распространенной диалектной формой 3-го лица презенса с нулевым окончанием. Тот же вариант угадывается и за необычным чтением Голицынского списка Н4 «малое ми княжение...»: переписчик явно не распознал в своем оригинале сочетания энклитического местоимения *ми* с диалектной формой *е* и, переставив эти компоненты, получил форму прилагательного *малое*, для которой «нашлось» и определяемое — *княжение*, полученное из вокатива *княже*. Чтение «мало ми е» уверенно возводится, таким образом, к протографу Новгородско-Софийской группы, а через него — с учетом наличия этого чтения в Н1Тр — и к архетипу Предисловия.

- НК*: не кладяху на свои жены златых обручей, но хожуху жены ихъ в сребрѣ
- Н4ст*: не кладяху на своя жены золотыхъ обручевъ, но хожуху жены ихъ в сребрѣ
- Н4мл*: не кладяху на свои жены златыхъ обручевъ, но хожуху жены ихъ в сребреныхъ
- С1ст*: не кладяху на свои жены золотыхъ обручей, но хожуху жены ихъ в сребрѣ
- С1мл*: не кладяху на свои жены златыхъ обручей, но хожуху жены ихъ в сребрѣ
- Н1*Ак*: не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожуху жены ихъ въ сребреныхъ
- Н1Тр*: не кладяху на свои жены золотыхъ обручей, но хожуху жены ихъ в сребрѣ
- а**: **не кладяху на свои жены золотыхъ обручей, но хожуху жены ихъ в сребрѣ**

Соотношение чтений делает несомненной принадлежность архетипу варианта с существительным *с(е)ребро*; замена на прилагательное в Н4мл и Н1*Ак была явно произведена по аналогии с предыдущей фразой. Выбор между полногласными и неполногласными формами произвести затруднительно, но, учитывая общую тенденцию к окнижнению языка в летописях XV в., более вероятным кажется присутствие в архетипе неполногласия *золотыхъ* и «квази-неполногласия» *серебрѣ* (результат ассимиляции гласных в исходном *сьребр-*).

- НК*: а мы злѣи своих не останем
- Н4ст*: а мы злии своихъ не останемъ (Н)
а мы злѣи своихъ не останемъ (Г)
- Н4мл*: а мы злыхъ обычאי своихъ не останемъ
- С1ст*: а мы злыхъ своихъ не останемъ
- С1мл*: а мы злыхъ своихъ не останемъ

*Н1*Ак*: а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ

Н1Тр: а мы злюбъ своихъ не останемъ

а: а мы злии своихъ не останемъ

Крайнее разнообразие вариантов, демонстрируемое этим контекстом, несомненно, объясняется тем, что читавшаяся в архетипе форма род. мн. архаичного существительного *золь* (< *зъль*) вызывала отторжение у переписчиков, находивших для нее различные замены.

НК: да и здѣ добръ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

Н4ст: да и здѣ добръ и тамо вѣчнии жизни причастници будемъ

Н4мл: да и здѣ добръ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

С1ст: да и здѣ добръ поживемъ и тамо въ вѣчнѣи жизни причастници будемъ

С1мл: да и здѣ добръ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

Н1Км: да и здѣ добръ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

*Н1*Ак*: да и здѣ добръ поживемъ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

Н1Тр: (текст отсутствует)

а: да и здѣ добръ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ

В данном случае, казалось бы, возводить к архетипу следует чтение *Н4мл*, *С1* и *Н1*Ак*, поскольку альтернативу ему составляет явно испорченное чтение. Это означало бы, однако, что слово *поживемъ* независимо друг от друга пропустили составители *НК*, *Н4ст* и *Н1Км*, что кажется совершенно невероятным. Напротив, обратный сценарий — пропуск в архетипе, независимым образом восполненный в *Н4мл*, *С1* и *Н1*Ак*, — вполне правдоподобен, учитывая очевидность лакуны и легкость ее заполнения. И в этом случае архетип содержал ошибку.

Реконструкция архетипа Предисловия дается ниже в нормализованной позднерусской орфографии. За основу взят текст Новгородской Карамзинской летописи. Все внесенные из других списков исправления оговорены в примечаниях; никаких других исправлений текст не содержит. Текстологически равноправные варианты приводятся в скобках в основном тексте.

Временникъ, еже нарицается лѣтописание русскихъ князеи и земля Рускыя, и како избра Богъ страну нашу на¹⁰ послѣднее время, и гради почаша бывать по мѣстомъ, преже Новгородская волость и потомъ Киевская, и о статьи Кыева, како воименовася Кыевъ.

Яко древле цѣсарь Римъ — прозвася въ имя его градъ Римъ; и паки Антиохъ — и бысть Антиохия; и паки Селевкъ — и бысть Селевкия; и паки Александръ — и бысть въ имя его Александрия; и по многа мѣста тако прозвани быша гради (ти)¹¹ въ имена цѣсаревъ тѣхъ и князь¹² тѣхъ, яко въ на-

¹⁰ *Испр. по ост.*; *НК*: в.

¹¹ *Н1*: нет.

¹² *Испр. по С1, Н4, Н1Тр, НК*: князеи.

шеи странѣ (про)званъ¹³ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя, егоже нарицають древле перевозника бывша; инии же — яко (и)¹⁴ ловы дѣяше около града своего. Великъ бо есть промыслъ Божии, еже яви въ послѣдняя времена! Куда же древле¹⁵ погании жряху бѣсомъ¹⁵ на горахъ, туда же нынѣ святыя церкви златоверхыя каменозданыя и монастыреве исполнены¹⁶ черноризци, безпрестани славяще Бога в молитвахъ, въ бдѣнии, въ¹⁷ постѣ, въ¹⁸ слезахъ, ихже ради молитвъ миръ стоитъ. Аще бо къ святымъ {сы(и)¹⁹} прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу приметъ души и тѣлу.

Мы же на послѣдование²⁰ возвратимся: о началѣ Рускыя земля и о князехъ, како²¹ откуда быша. Васъ молю, стадо Христово, съ любовию приклоните ушеса ваша разумно: како быша древнии князи и мужи ихъ, и како отбараху²² Рускыя земля, и ины страны приимаху подъ ся; тии бо князи не сбираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту возмъ²³, даяше дружинѣ на оружьи. А дружина его кормляхуся, воююще иныя страны, бьющися: «Братие, потянемъ по своему князи и по Русьской земли»; {ждяху}²⁴: «Мало ми е²⁵, княже, 200 гривень». Не кладяху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ сребрѣ; и расплодили были землю Русьскую. За наше несытство навель Богъ на ны поганыя, а и скоти наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы злии²⁶ своихъ не останемъ. Пишетъ бо ся: «Богатство неправдою собираемо извѣтается». И пакы: «Сбираетъ, и²⁷ не вѣсть, кому собираетъ я». И пакы: «Луче малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа». Да отселѣ, братъе моя возлюбленная, останемся отъ несытства своего, но доволни будете уроки вашими; яко²⁸ и Павелъ пишетъ: «Емуже данъ, то данъ; емуже урокъ, то урокъ». Никомуже насилья творяще, милостынею оцвѣтуще, страннолюбиемъ, въ страсъ Божии и правовѣрии свое спасение

¹³ *Н1*: званъ.

¹⁴ *Н1*: нет.

¹⁵ *Испр. по ост. НК*: жряху погании.

¹⁶ *Испр. по С1, Н4, Н1 (Тр)*; *НК*: исполнены.

¹⁷ *Испр. по ост.*; *НК*: и въ.

¹⁸ *Испр. по С1, Н4, Н1 (Тр)*; *НК*: и въ.

¹⁹ *С1, Н4*: сы.

²⁰ *Испр. по Н1*Ак*; *НК, Н4, С1*: послѣднее; *Н1Тр*: преднее.

²¹ *Испр. по ост.*; *НК*: како и.

²² *Испр. по С1К, Н4Г, Н1*Ак*; *НК, С1О*: обараху; *Н4П* обораху; *Н4С, Н1Тр* обораху; *Н4Н* отбороняху (из отбораху).

²³ *Испр. по Н1, Н4*; *НК*: въземше, *С1*: вимаше.

²⁴ *Испр. по Н4НГ, С1КО*; *НК*: и ждаху; *Н4С*: ждаху; *С1Ц* жадяху.

²⁵ *Испр. по Н4Н, Н1Тр*; *НК*: есть.

²⁶ *Испр. по Н4Н*; *НК*: злѣи.

²⁷ *Доб. из ост.*; *НК*: нет.

²⁸ *Испр. по ост.*; *НК*: якоже.

сдѣвающе, да и сдѣ добръ {...}²⁹ и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемь.

Си же таковая. Мы же от начала Русьскыя земля до сего лѣта и³⁰ все по ряду извѣстно да скажемь, от Михаила цѣсаря до Олександра и Исакия.

От архетипа к оригиналу: Предисловие в Киевском Начальном своде 1090-х гг.

Еще раз подчеркнем: восстанавливая архетип Предисловия, мы старались руководствоваться одной лишь текстологической логикой, отбирая чтения, представленные в обеих ветвях традиции, а в сложных случаях отдавая предпочтение вариантам, позволяющим объяснить филиацию чтений. Индивидуальные чтения, выбранные как «лучшие» (по смыслу или же в силу их большей архаичности), в нашей реконструкции отсутствуют, равно как и чистые конъектуры. Следование этим принципам позволило избежать идеализации архетипа и восстановить его вместе со свойственными ему дефектами.

Как уже было сказано, для истории текста эти дефекты представляют исключительный интерес: в них мы видим однозначное свидетельство того, что архетип начала XV в. не был оригиналом Предисловия. Это, само по себе, не дает оснований относить создание оригинала ко времени, существенно более раннему, чем создание архетипа. Текстологически архетип Предисловия определяется как общий оригинал, к которому восходит, с одной стороны, протограф летописей Новгородско-Софийской группы, а с другой — протограф младшего извода НЛ. В стемме Т. В. Гимона [2006: 119] эта стадия развития текста соответствует «гипотетическому X», которому предшествует «гипотетический Y» — общий протограф X и Тверского сборника. Теоретически можно было бы допустить, что Предисловие впервые появилось в Y, а отмеченные нами ошибки возникли под пером писца X.

Против этого, однако, свидетельствует характер ошибок. В двух из трех случаев мы имеем дело с пропусками конструктивно важных элементов фразы (отрицательной частицы и сказуемого), не имеющими видимых оснований в контексте. Подобных пропусков нет более ни в одном из использованных нами списков Предисловия, что ставит архетип с его ошибками в совершенно особое положение.

Впечатление этой «особости» усугубляется, когда в ближайшем окружении второго пропуска мы обнаруживаем еще один, до сих пор остававшийся невыявленным. Обращает на себя внимание необычное построение ряда причастных оборотов: «никомуже насилья творяще, милостынею

²⁹ *С1, Н4С, Н1Т*: добръ поживемь.

³⁰ *Испр по ост.*; *НК*: нет.

оцвѣтуще, страннoлюбиемъ, в страсть Божии и правoвѣрии свое спасение содѣвающе». Издательская пунктуация этого места примечательным образом варьирует: в одних публикациях запятая после *страннoлюбиемъ* ставится (что предполагает трактовку этого слова как второго дополнения при *оцвѣтуще*); в других она отсутствует (что предполагает управление со стороны *содѣвающе*). В обоих случаях синтаксис фразы выглядит неестественно: слово *страннoлюбиемъ* как бы повисает в воздухе, не соединяясь органично ни с предшествующим, ни с последующим текстом. И дело здесь, безусловно, не в «малограмотности» автора Предисловия. Как видно из приводимых ниже параллелей, рассматриваемая фраза воспроизводит гомилетический топос с устойчивой синтаксической структурой. Ср.:

Нъ да съвършимъ обѣтованиа наша, иже къ гоу боу нашему, любаше его всѣмъ срѣцѣмъ своимъ и всею мыслью и всею крѣпостию, и ближнаго своего яко самъ са: *братoлюбиемъ просвѣтаще са, страннoлюбиемъ процвѣтоуще* да внидемъ радующеса въ бесконьчную радость, въ бесмъртныи животь, въ неиздреченную красоту (Поучение на память апостола или мученика, Троицкий сборник XII—XIII вв., РГБ, ф. 304, № 12, л. 25 об. [Клим. Охр., 1: 99])

... *братoлюбие^м свѣтащеса, страннoлюбиемъ цвѣтоуще*, да внидемъ в'бесконечную радость и въ бесмъртныи животь и в неизреченную красоту... (Поучение в 10-ю неделю после недели всех святых, Сборник XVI в., РНБ, Погод. 1024, л. 227 об. [Там же: 149])

Тои, братиа, бл҃гости потыщимъ са и мы сподобити, цр҃квь б҃жию стваряюще себе с҃томуу д҃хоу, не поминающе дроугъ дроугоу злобы, *блговѣриемъ цвѣтуще, ницелoбиемъ свѣтащеса, братoлюбиемъ оукраишеся, дх̄мъ гораще, бви работающе, ч҃тотою и страхъм к немуу пристоупающе* да достоини са кivism̄ юмоу (Поучение в воскресенье, РГБ, ф. 304, № 12, л. 27 б. [Там же: 156])

Оубоудимъ са показание приемлюще, *смѣрениемъ просвѣщъ са, бра^тлюбиемъ процвѣтоуще, страннoлюбиемъ къ боу приближающе са, пощениемъ възносаще са, мл̄тынею снѣве б҃жии нарицающе са*, приемлюще прч҃тою тѣло и кровь Х҃воу (Поучение на Богоявление, Лобковский пролог 1262 г., [Там же: 371])

Синтаксический каркас этого топоса образует ряд однородных причастий, каждое из которых имеет при себе одно (!) существительное в творительном падеже. На этом фоне рассматриваемая фраза Предисловия обнаруживает свою дефектность: в ней пропущено причастие, управлявшее формой *страннoлюбиемъ*. Данный пропуск должен иметь ту же природу, что и пропуск формы *поживемъ* в продолжении фразы. Не исключено, что той же серии дефектов обязана появлением и форма *оцвѣтуще* — единственная фиксация глагола *оцвѣсти* в древнерусской и церковнославянской письменности. Уникальность этого словоупотребления слишком контрастирует с клишированностью контекста, чтобы возводить его к ориги-

налу Предисловия; более оправданным кажется видеть в *оцѣтуще* результат пропуска первых двух букв в исходном чтении [*np*]оцѣтуще.

Эта серия пропусков допускает, на наш взгляд, единственное объяснение: писец работал с ветхим антиграфом, которого местами он не мог разобрать. Для писца архетипа Предисловия («гипотетического X») таким антиграфом не мог быть «гипотетический Y», написанный самое большее четвертью века ранее. Это заставляет думать, что ошибки архетипа перешли в него из «гипотетического Y», писец которого действительно мог и должен был копировать древний антиграф — «официальный экземпляр» новгородской владычной летописи, в составе которой, согласно развиваемой нами концепции истории текста Н1Л, Предисловие находилось с начала XII в.

Принимая важнейшую поправку к схеме Шахматова, предложенную М. Х. Алешковским, мы считаем, что открывавшийся Предисловием киевский Начальный свод 1090-х гг. лег в основание летописного свода Мстислава Владимировича 1115 г., который впоследствии был продолжен погодной летописью. Хотя локальные редактуры, затрагивавшие отдельные листы и тетради «официального экземпляра», имели место, нет никаких оснований предполагать, что с 1115 г. по конец XIV в. этот кодекс был хотя бы раз полностью заменен новым списком. Таким образом, составитель первой из ряда копий, снятых с владычной летописи в конце XIV — первой трети XV в. (списка Y, по Т. В. Гимону), должен был переписывать текст Предисловия с пергаменной рукописи, возраст которой составлял к этому моменту заведомо более двух столетий³¹. Следствием трудностей, которые испытывал писец, копируя первые листы этого ветхого манускрипта, очевидно, и явились лакуны, перешедшие затем и в архетип Предисловия³².

³¹ Согласно гипотезе, изложенной в [Гиппиус 1997], наиболее крупная из локальных редактур владычной летописи была произведена в конце 1160-х гг. Германом Воятой, заменившим начальную часть летописи (до статьи 1074 г.) на отредактированный им текст. Это означало бы, что к концу XIV в. Предисловие читалось в составе «официального экземпляра», переписанное рукой Вояты. Нужно, однако, заметить, что вплоть до статьи 997 г. текст Н1Лмл не содержит явных свидетельств переработки его новгородским летописцем; нельзя исключить, что и в этой его части свод Мстислава не был переписан Германом Воятой, ограничившимся редактурой тетрадей, заключавших в себе текст с 997 по 1074 г. В другой работе нами было высказано предположение, что в Новгороде в 1115 г. был использован оригинал той части Начального свода, которая к этому моменту уже была переработана составителем ПВЛ [Гиппиус 2008в: 22]. Интересные кодикологические доводы в пользу этого предположения были недавно приведены С. М. Михеевым [2008: 56]. Таким образом, оказывается вполне возможным, что работавший на рубеже XIV — XV вв. новгородский редактор копировал Предисловие непосредственно с оригинала Начального свода.

³² С трудностями того же рода пришлось столкнуться в XVIII в. писцам, снимавшим копии с Академического списка Н1Л. На первых листах Толстовского списка имеется немало пробелов, соответствующих не разобранным переписчиком

Заполнение этих лакун не представляет особых сложностей. Для конъектуры «(не) жадяху» альтернатив не видно вообще; для «(про)цветуще» — также (если, конечно, мы признаем чтение архетипа дефектным); чтение «поживемъ», независимым образом восстановленное в части списков, допускает вариант «поживше» (ср. приведенную выше параллель). Пропущенное причастие, управлявшее формой *страннолюбимь*, восстановить однозначно не представляется возможным.

Плохой читаемостью оригинала Предисловия могло быть обусловлено и ошибочное чтение архетипа «сьи прибегнуть». По своему характеру, однако, эта ошибка отличается от остальных: здесь перед нами не пропуск, а явное искажение первоначального чтения. Конъектура Шахматова «къ святымъ *симъ* прибѣгнемъ църквамъ» удовлетворительна по смыслу, но оставляет необъясненной природу ошибки. Грамматически неуместное *сьи* не могло быть введено в текст переписчиком древнего оригинала без всяких на то оснований. Следует полагать, что это причастие восходит к оригиналу Предисловия, в котором оно читалось в составе какой-то более полной конструкции, деформированной в архетипе. Правдоподобной конъектурой представляется в таком случае: «аще бо *кто*, [...] *сьи*, къ святымъ прибѣгнеть църквамъ», где на месте отточия могло находиться прилагательное, причастие или предложно-падежное сочетание. Следующая параллель из Слова похвального на память св. Леонтия Ростовского подсказывает и наиболее вероятное заполнение для этой лакуны: «Аще кто *въ бѣдѣ сьи*, имя его нарицая, помолить Бога, оставляя первая съгрѣшения, то молбами его приемлють простыню» [Слово 1858: 430]. По-видимому, не разобрав в оригинале местоимения во фрагменте *кто въ бѣдѣ*, писец сначала пропустил и *сьи*, но затем механически дописал его после «къ святымъ».

Реконструкция оригинала Предисловия приведена ниже. Для удобства восприятия текст дается с делением на строки, соответствующим его — очевидной, на наш взгляд, — ритмической организации. Исправления ошибок архетипа даны курсивом, также как и отдельные отступления от его морфологии — в случаях, где чтение архетипа не может быть, по лингвистическим соображениям, возведено к XI в.

- 1 **Временникъ**, еже нарицаеть ся лѣтописание
- 2 русьскихъ кнѣзь и земля Русьскыя;
- 3 и како избѣра Богъ страну нашу на послѣднее время,

местам оригинала. Так, в соответствии с «ни продажъ въскладаху на люди» других списков в Толст. читаем: «ни продажъ вскла... (пробел) люди». В списке Филиппса этому соответствует чтение, отражающее попытку писца заполнить лакуну: «ни продажъ въскладаху *съ* люди». Пробелы, подобные оставленным в Толстовском списке, вполне могли иметься и в рукописи У, но быть проигнорированными в архетипе Предисловия.

4 и гради почаша бывати по мѣстомъ,
5 <преже Новгородская волость и потомъ Киевская>
6 и о статии Кыева, како вѣименова ся Кыевъ.
7 Яко древле цѣсарь Римъ — прозвася въ имя его градъ Римъ;
8 и паки Антиохъ — и бысть Антиохия;
9 и паки Селевъкъ — и бысть Селевъкия;
10 и паки Александръ — и бысть въ имя его Александрия;
11 и по многа мѣста тако прозвани быша гради ти
12 въ имена цѣсаревъ тѣхъ и кнѣзъ тѣхъ,
13 яко въ нашей странѣ званъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыя,
14 егоже нарицають древле перевозъника бывъша,
15 инии же — яко ловы дѣяше около града своего.
16 Великъ бо есть промыслъ Божии,
17 еже яви въ послѣдняя времена!
18 Куда же древле погании жрѣяху бѣсомъ на горахъ,
19 туда же нынѣ святыя църкви златовѣрхыя каменозданыя,
20 и монастыреве исполнени чѣрноризци,
21 беспрестани славяще Бога въ молитвахъ,
22 въ бѣдѣнии, въ постѣ, въ слъзахъ,
23 ихъже ради молитвъ миръ стоитъ.
24 Аще бо кто, въ бѣдѣ сый, къ святымъ прибѣгнетъ църквамъ,
25 тѣмъ велику пользу приметъ души и тѣлу.
26 Мы же на послѣдование възвратимъ ся:
27 о началѣ Русьскыя земля и о кнѣзихъ, како отъкуду быша.
28 Васъ молю, стадо Христово:
29 съ любвѣию приклоните ушеса ваша разумно,
30 како быша древннии кнѣзѣи и мужи ихъ,
31 и како отъбараху Русьскыя земля,
32 и ины страны приимаху подъ ся.
33 Ти бо кнѣзѣи не събираху многа имѣния,
34 ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху на люди,
35 нѣ оже будяше правая вѣра,
36 а ту възьма, даяше дружинѣ на оружьи.
37 А дружина его кѣрмляхуся, воююще ины страны, бующеся:
38 «Братие, потягнѣмъ по своемъ кнѣзѣи и по Русьскѣи земли»;
39 *не жадяху*: «Мало ми е, кнѣже, 200 гривнѣнъ»;
40 не кладяху на своя жены золотыхъ обручъ,
41 нѣ хожяху жены ихъ въ сѣребрѣ;
42 и расплодили были землю Русьскую.
43 За наше несытъство навелъ Богъ на ны поганя,
44 а и скоти наши, и села наша, и имѣния за тѣми суть,
45 а мы зѣлии своихъ не останемъ.
46 Пишетъ бо ся: «Богатство неправдою събираемо извѣеть ся».
47 И паки: «Събираеть, и не вѣсть, кому събираеть я».

48 И пакы: «Луче малое правдѣнику, паче богатства грѣшныхъ многа».
 49 Да отъселѣ, братѣ моя възлюбленая,
 50 останѣмъ ся отъ несытѣства своего,
 51 нѣ довьльни будѣте уроки вашими;
 52 яко и Павль пишеть: «Емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ».
 53 Никомуже насилия творяще, милостынею *процвѣтуще*, страньнолю-
 биемъ [...],
 54 въ страстѣ божии и правовѣрии свое съпасение съдѣвающе,
 55 да и съдѣ добрѣ *поживемъ*
 56 и тамо вѣчнѣи жизни причастьници будемъ.
 57 Си же таковая. Мы же отъ начала Русьскыя земля до сего лѣта
 58 и все по ряду извѣстно да съкажемъ.
 59 (отъ Михаила цѣсаря до Олексы и Исака).

Перевод

Временник, то есть летопись, русских князей и Русской земли,
 и [о том,] как Бог избрал нашу страну на последнее время,
 и [как] города стали возникать на местах,
 и об основании Киева, как он был назван Киевом.
 Как в древности [был] царь Рим — и от имени его был назван Рим,
 или Антиох — и стала Антиохия,
 или Селевк — и стала Селевкия,
 или Александр — и стала от имени его Александрия, —
 и так во многих местах были названы другие города,
 по именам других царей и других князей,
 как в нашей стране великий город Киев был назван от имени Кия,
 о котором говорят, что он был некогда перевозчиком,
 другие же — что он охотился возле своего города.
 Ибо велик промысел Божий,
 что Он открыл в последние времена!
 Где некогда язычники приносили жертвы бесам на горах,
 там ныне святые церкви, златоверхие, каменнозданные,
 и монастыри, полные черноризцев,
 непрестанно славящих Бога в молитвах,
 в бдении, в посте, в слезах,
 из-за чьих молитв и мир стоит.
 Если кто, находясь *в беде*, прибегнет к святым церквам, —
 от того получит большую пользу для души и тела.
 Мы же вернемся к последовательности [рассказа]
 о начале Русской земли и о князьях, как и откуда они произошли.
 Молю вас, Христово стадо:
 с любовью послушайте (приклоните свой слух), сознательно,
 какими были прежние князья и их мужи,

и как отстаивали Русскую землю
и другие страны подчиняли себе.
Ведь те князья не собирали много имущества,
и не возлагали на людей ложных (собств. «выдуманных») вир и штрафов,
но если была справедливая вира,
то ее взяв, [князь] давал на оружие дружине.
А дружина его кормилась, завоеывая другие страны, сражаясь:
«Братья, потрудимся за своего князя и за Русскую землю!»;
не жаждали: «Мало мне, князь, двухсот гривен!»;
не возлагали на своих жен золотых обручей,
но ходили их жены в серебре
— и расплодили Русскую землю.
За нашу алчность Бог навел на нас язычников,
а [уже] и скот наш, и села, и имущество у них,
а мы своих злоб [все] не оставим.
Ведь пишется: «Богатство, собираемое несправедливо, развеется»;
И еще: «Лучше малое праведнику, чем многое богатство грешников».
Отныне, братья мои возлюбленные,
оставим свою алчность,
но довольствуйтесь пожалованным вам,
потому что и Павел пишет: «Кому дань — дань, кому оброк — оброк».
Никому не причиняя насилия, расцветая милостыней, (светясь?) гостепри-
имством,
в страхе Божьем и правоверии совершая свое спасение,
— да поживем и здесь добродетельно,
и там станем причастниками вечной жизни.
Об этом — так. Мы же от начала Русской земли до этого года
все по порядку достоверно расскажем,
от царя Михаила до...

Комментарий

К стр. 1—5. Первые шесть строк, образующие заголовок Предисловия, отсутствуют в реконструкции Шахматова 1909 г., но имеются в реконструкции 1916 г. Сначала Шахматов, как можно думать, исходил из того, что слова «преже Новгородская волость и потомь Киевская» не могли читаться в киевском Начальном своде, однако позже изменил свое мнение, отнеся заголовок к Начальному своду вместе с данной фразой. Д. С. Лихачев [1986 (1948): 175] предложил трактовать эту фразу (и только ее) как новгородскую вставку, с чем, на наш взгляд, следует согласиться. Вставное происхождение фразы обнаруживает себя в нарушении как синтаксического рисунка текста (ср. начала строк 3—5: «и како избьра...», «и гради почаша быти...», «и о статии Києва»), так и — что особенно важно — последовательности его развертывания. Вопреки С. Фоллину [2009: 149] и

К. Цукерману [2009: 285], слова о приоритете новгородской «волости» над киевской нужно, несомненно, понимать не в плане хронологии основания этих городов (какой ее представляет ПВЛ), но в смысле первенства Новгорода как центра княжеской власти на Руси (что полностью отвечает и композиции Начального свода); ср. приводимую Д. С. Лихачевым параллель в виде слов Всеволода Большое Гнездо (в Лавр. под 1206 г.): «а Новгородъ Великий старѣишинство имать княженью во всеи Русьской земли» [Лавр.: 422]». Иностранность рассматриваемой фразы первоначальному контексту Предисловия (в котором речь идет как раз об основании городов) представляется поэтому очевидной.

К стр. 1—2. *Временникъ, еже нарицаеть ся лѣтописание русьскихъ князь и земля Русьскыя.* — Название «Временник», несомненно, восходит к Хронике Георгия Амартола (ХГА), основной текст которой (после подробного оглавления — «Криницы» и предисловия с заголовком «Книгы временныя и вбразныя Гевргик мниха») в славянском переводе озаглавлен: «**Временникъ** въпростѣ ѿ различныхъ же хронографѣ же и сказатель, събранъ же и сложенъ Гевргиемъ грѣшникомъ мнихомъ». То же жанровое определение выступает и в начале 9-й книги, в рукописной традиции ХГА иногда выделяемой в отдельный том: «**Временникъ** ѿ хрестыаньскыхъ цѣрехъ и ѿ Константинѣ велицѣмъ цѣри») [Истрин 1920: 31, 333]. В списках ХГА и основанных на ней хронографических компиляций второй заголовок известен также в варианте «Временникъ хрестыаньскыхъ цѣсарии (-ревъ)», представленном, в частности, в Архангельском списке ХГА 1453 г. [Анисимова 2009: 95] и, что особенно важно, в Ленинградском списке Троицкого хронографа [Водолазкин 2008: 329], представляющего «хронографическую» редакцию текста, использованную составителем Начального свода. Этот вариант структурно идентичен сочетанию «Временникъ... русьскихъ князь» и может считаться его непосредственным источником.

Слово *лѣтописание* (в отличие от более распространенного *лѣтописъць*) известно в древнерусскую эпоху исключительно из ПВЛ, где оно дважды выступает как обозначение той же ХГА (Введение: «Глѣть Гевргии в лѣтописаньи», «ѿко же пишеться в лѣтописаньи Гречьстѣмъ») и один раз, в записи о смерти Яня Вышатича под 1106 г., — как обозначение труда самого летописца («еже и вписа^x в лѣтописаньи семь») [Лавр.: 14, 17, 281]. Запись о смерти Яня была, как мы считаем вслед за А. Тимберлейком [2001: 207—209], сделана в погодной Печерской летописи, которой составитель Начального свода продолжил свой труд; появление в ней того же термина, что и в Предисловии, выглядит поэтому далеко не случайным. Что же касается первых двух контекстов, возникших, несомненно, уже на этапе составления ПВЛ в середине 1110-х гг., то отраженное ими словопотребление вполне могло основываться на эквивалентности «*временникъ* = *лѣтописание*», установленной в Предисловии, хотя с уверенностью утверждать это, конечно, невозможно.

К стр. 3. *...како избъра Богъ страну нашу на послѣднее время...* — Фраза, формулирующая одну из главных идей Предисловия, является одновременно и «тематическим ключом» к композиции Начального свода. Тема богоизбранности Русской земли как страны «последнего времени» организует эту композицию, связывая между собой множество элементов разных уровней: хронологическую сеть, наложенную на изначально сплошное повествование; выдержки из Хронографа с описанием первых походов руси на Царьград, взятых за точку отсчета истории «нового народа»; описания апокалиптических знамений, достигающие предельной концентрации на эсхатологически отмеченном рубеже 6600 г.; наконец — отступления агнографического и гомилетического характера, развивающие мотив «новых людей христианских». Прямым коррелятом этой историко-философской концепции в ранней русской агнографии является вводная часть Чтения о Борисе и Глебе Нестора с его толкованием притчи о «работниках одиннадцатого часа»; тема «последнего времени» звучит и в Житии Феодосия Печерского. См. подробнее [Гиппиус 2006: 77—81].

К стр. 4. *...и гради почаша бывати по мѣстомъ...* — В эсхатологической перспективе, заданной предыдущей фразой, эти слова могут быть поняты как аллюзия к «Откровению Мефодия Патарского», в котором строительство городов упоминается как примета «последнего времени». Ср.: «И боудеть на земли тихость велика, якоже нѣ^ѣ была ни боудеть, ибо послѣдана есть година и на конецъ вѣка, и будетъ веселие на земли и жити начьноуть члвѣци миромъ и начьноуть гради творити...» [Истрин 1897: 98]. Любопытно, что еще два фрагмента данного пассажа находят буквальное соответствие в статье ПВЛ 6532 (1024) г., сообщающей о примирении Ярослава и Мстислава Владимировичей: «И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и оуста оусобица и матежь, и бы^ѣ тишина велика в земли» [Лавр.: 149]; ср.: «И будетъ на земли тихость велика», «и жити начьноуть члвѣци миромъ». Если это совпадение не случайно, то фраза «Откровения» оказывается как бы поделена между Предисловием и статьей 1024 г., свидетельствуя о принадлежности этих текстов к одному пласту начального летописания.

К стр. 6. *...и о статии Кыева, како въименова ся Кыевъ.* — Фрагмент примечателен в лексическом отношении, демонстрируя употребление сразу двух редких лексем. Слово *статие* в значении ‘основание, возникновение’ применительно к городам в других источниках не засвидетельствовано — и это при наличии целого ряда синонимов: *поставление, ставление, създание* и др. (ср. вар. *о поставлении* в Н1*Ак.). Глагол *въименоватися* зафиксирован словарями в единственном памятнике — Огласительных поучениях Феодора Студита по списку конца XIV в., где он представлен двумя контекстами [СДРЯ 2: 151]. В Предисловии употребление этого редкого слова явно обусловлено риторической установкой автора, стремлением избежать лексического повтора; ср. синонимический ряд: *воименова ся — прозвася во имя его — бысть въ имя его — прозвани быша — званъ бысть*.

К стр. 7—10. Источником исторических аналогий, использованных в рассуждении о названии Киева А. А. Шахматов считал Хронограф. С. Фоллин указывает, что ту же информацию автор Предисловия мог почерпнуть и в ХГА. Это так, но для Шахматова было существенно, что источником Предисловия нет необходимости считать полный перевод Хроники Амартола, который, как он считал, не использовался на стадии создания Начального свода.

Полагая, что автор Предисловия, проводя параллель между названиями Киева и знаменитых городов древности, должен был непременно следовать какому-то образцу, С. Фоллин указывает такой образец в толковании Андрея Кесарийского на стих 17.9 Апокалипсиса: «...главъ же .з̄. изменени .з̄. по родомъ. идеже кождо начнетъ ц̄р̄товати прьвѣ. цко се Ниль въ С̄соурихъ. Арвакъ в Мидѣхъ. Навходоносоръ въ Вавилонѣ. Коуръ въ Пьрсѣхъ. Алеѣандръ въ Грьцихъ. Ромиль. въ Римланѣхъ. Костнтинъ Ц̄риградѣ». «Структура этого перечня (отвлекаясь пока от его содержания) в сущности идентична тому, что находим в Предисловии: называется имя правителя и название его страны. /.../. Содержание же, на первый взгляд, существенно различается: если в *Предисловии* речь идет о правителях, основавших города “в свое имя”, в толковании Андрея Кесарийского — о правителях, положивших основания соответствующих “цесарств”» [Фоллин 2009: 143]. Что, при таком «различии», остается от «структурной идентичности», непонятно: в цитируемом толковании нет ни городов с их названиями, ни, главное, фигуры уподобления, которая — а отнюдь не «перечень» как таковой — формирует структуру фрагмента и для которой, собственно, и следовало бы искать литературный образец³³. Рассуждения С. Фоллина о «тождестве сокровенного содержания» двух пассажей слишком произвольны, чтобы что-то на них основывать. Это «тождество», как выясняется, связывает толкование не с рассматриваемым фрагментом Предисловия, а с фразой «преже Новгородчкая волость и потомъ Киевская», в которой исследователь усматривает отголосок идеи «смены царств», хотя очевидно, что фраза эта (даже если отвлечься от сказанного выше о ее вставном характере) толкует вовсе не о смене «волостей», а об историческом приоритете.

³³ В этом смысле намного более близкую аналогию Предисловию составляет известный пассаж из похвалы Владимиру в «Слове о законе и благодати»: «Хвалить же похвальными гласы Римская страна Петра и Паула /.../ Асия и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословца, Индия Фому, Египеть Марка. /.../ Похвалимъ же и мы /.../ великааго кагана нашеа земли Володимера» [БЛДР 1: 42]. Заметим также, что в ПВЛ прием приведения целого ряда исторических параллелей находим лишь в речи патриарха к Ольге после ее крещения: «Х̄с̄ имать схранити та, икож̄ схрани Еноха в первыи роды и потомъ Ноа в ковчезѣ, Аврама ѿ Авимелеха, Лота ѿ Содомлянъ, Моисѣа ѿ Фаравна, Двда ѿ Саула, г̄ ѿтроци ѿ пеши, Данила ѿ звѣрии — тако и та избавитъ ѿ неприязни и ѿ сѣтии его» [Лавр.: 62]. Согласно нашей стратификации текста, этот фрагмент рассказа о крещении Ольги относится к вставкам Начального свода, то есть принадлежит тому же пласту, что и Предисловие.

Следуя далее путем окольных ассоциаций, С. Фоллин обращает внимание на фразу, предваряющую перечень царей и стран в Толковом Апокалипсисе: «идеже кождо начнетъ цѣртвовати пръвѣ». «Это, — замечает исследователь, — знакомая фраза. Так начинается *Повесть временных лет*: «ѡкуда есть пошла Руская земля и кто в ней почаль пѣрвѣ княжити». Узнаваемой она оказалась и для автора *Предисловия*. Вероятно, именно ее сходство с уже прежде известным автору заглавием ПВЛ и «пустило курок» ассоциаций, вызвавших из памяти хронографические прецеденты. Таким образом, оказывается, что перечень из предисловия к Софийскому временнику апеллирует не только к толкованию на Апокалипсис, но и к заглавию ПВЛ, существовавшему, следовательно, до составления предисловия к Софийскому временнику и известного его автору» [Фоллин 2009: 144]. Признать за этим рассуждением силу текстологического аргумента мы не можем. Фраза Толкового Апокалипсиса действительно обнаруживает известное сходство с заглавием ПВЛ, но ничто не заставляет думать, что это сходство могло подтолкнуть автора Предисловия к проведению его аналогии: с заглавием ПВЛ рассматриваемый пассаж Предисловия связан столь же слабо, как и с толкованием Андрея Кесарийского. Да и само сходство, подмеченное Фоллиным, обманчиво: как мы увидим ниже, срединная часть заглавия ПВЛ в действительности имеет своим источником другой текст и связана с другим фрагментом Предисловия другой зависимостью.

Возвращаясь к самому комментируемому пассажи, заметим вслед за С. Фоллиным, что исторические аналогии приведены в Предисловии не в той последовательности, в какой соответствующие фрагменты расположены в Хронографе: основание Александрии Александром предшествовало основанию Селевком Селевкии и Антиохии (именно в таком порядке, обратном указанному в Предисловии). Это несоответствие можно было бы отнести за счет небрежности обращения составителя Начального свода с хронографическим материалом (ср. известную ошибку в рассказе о нашествии руси на Царьград, где мать императора Михаила III Ирина названа Феодорой). Скорее, однако, его следует объяснять риторической стратегией автора, начавшего и замкнувшего свой перечень более значимыми именами Рима и Александрии, отведя его срединную часть менее важным Антиохии и Селевкии. С таким построением корреспондирует и синтаксический хиазм: сочетание *во имя его* выступает в первой и четвертой фразах и опущено во второй и третьей. Ср. также хиастическое расположение членов атрибутивных сочетаний во 2-й строке: «русьских князь и земля русьскыя».

К стр. 11—15. *...и по многа мѣста тако прозъвани быша гради /.../, яко въ нашей странѣ зъванъ бысть градъ великыи Киевъ въ имя Кыя...* — Ср. в реконструкции А. А. Шахматова: «Тако же и въ нашей странѣ прозъванъ бысть...». Предпочтя вариант Толстовского списка Н1Л общему чтению остальных списков, Шахматов, очевидно, находил его более отвечающим смыслу фрагмента. Беремся утверждать обратное: именно *яко*,

текстологически бесспорно первоначальное, придает всему пассажи смысл, идеально согласующийся с общей концепцией Предисловия, в то время как чтение Толстовского списка³⁴ искажает и банализирует этот смысл. Этот вторичный вариант, с отождествительным *также*, начинающим новое предложение, констатирует близость киевской ситуации приведенным историческим параллелям: Киев был назван в честь Кия так же, как Рим — в честь «царя Рима» и т. д.; в Толстовском списке это сходство доведено до полного тождества неуклюжей заменой «великий Киевъ» на «великимъ княземъ» («званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кья»). Смысл оригинального чтения — в ином. *Яко* вводит придаточное сравнения, не столько констатирующее сходство, сколько оттеняющее глубину различия: в то время как упомянутые исторические города получали свои названия по именам основавших их царей и князей, Киев был назван по имени человека, который не только не был князем, но о котором толком не известно даже, кем он был — перевозчиком или охотником. Между русской ситуацией и ее хронографическими аналогами устанавливаются, таким образом, отношения не тождества, но контраста. Автор Предисловия как будто специально принижает фигуру основателя Киева, чтобы в следующей фразе подчеркнуть величие Божьего промысла, за столетие с небольшим сделавшего из затерянного в лесах приюта язычников-звероловов столицу христианской державы.

К стр. 13. *...званъ бысть градъ великий Киевъ въ имя Кья...* — Употребление родительного приименного *Кья* может показаться противоречащим правилу древнерусского синтаксиса, требующему обозначения наименования обладателя, представляющего собой одиночное существительное, формой притяжательного прилагательного (ожидалось бы: *во имя Киево*). Однако, поскольку в берестяных грамотах данное правило весьма строго соблюдается вплоть до самого конца охваченной ими эпохи (т. е. до середины XV в.), это формальное противоречие не может быть аргументом в пользу поздней датировки Предисловия. Причина указанного несоответствия заключена, очевидно, в специфике контекста. По формулировке А. А. Зализняка [2004: 158], «[п]ервоначально Р. падеж принадлежности мог выступать лишь в качестве вынужденной замены для притяжательного прилагательного — либо потому, что такое прилагательное в данном языке отсутствовало, либо потому, что нужно было избежать нагромождения притяжательных прилагательных». Под действие второго фактора попадают наименования обладателя, являющиеся словосочетаниями (ср.: *домъ братьнь*, но *домъ брата своего*). Однако в нашем случае этот фактор также был налицо: поскольку название *Киевъ* этимологически есть притяжательное прилагательное (во всяком случае, оно точно было таковым с точки зрения летописца), употребление в его объяснении еще одной притяжа-

³⁴ Вариант «также» представлен и в списке Филиппа и, следовательно, восходит к Н1*Ак.

тельной формы создало бы нежелательную тавтологию (*зъванъ бысть градъ великыи Кыевъ въ имя Кыево). Мы имеем дело с ярким примером того, как принцип «вынужденной замены» притяжательного прилагательного родительным приименным осуществляется окказионально, в индивидуальном порядке, а не в отношении определенных категорий случаев.

К стр. 16—17. *Великъ бо есть промысль Божии, еже яви въ послѣдняя времена!* — Точная параллель к первой части этой фразы в статье 6626 г. Н1Л («О, великъ е, братъе, промысль Божии!» [НПЛ: 57]) была истолкована нами как свидетельство использования Предисловия новгородским летописцем начала XIII в., см. [Гиппиус 2006: 65]. Поскольку в принципе подобные параллели допускают и противоположное объяснение, излишне будет указать вероятный источник для фразы в целом, проясняющий направление заимствования. Мысль о том, что глубина божественного Промысла должна быть в полной мере явлена в «последнее время», отчетливо звучит у Илариона в «Слове о законе и благодати», ср.: «Сарра же не раждаше, понеже бе неплоды. Не бе неплоды, нъ заключена бе Божиимъ промысломъ на старость родити. Безвестная же и таинаа премудрости Божии утаена бяху ангель и человекъ, не яко неявима, нъ утаена и на конецъ века хотяща явитися» [ПЛДР 1: 28]. Представляется очевидным, что образцом для автора Предисловия послужило если даже не это, то во всяком случае подобное рассуждение, тогда как автор статьи 6724 г. (летописец архиепископа Антония) использовал именно Предисловие, изъяснив начало фразы из его эсхатологического контекста³⁵.

К стр. 18—21. *Куда же древле погании ~ монастыреве испълнени чьрноризыци.* — Из приводившихся в литературе параллелей для этого места наиболее близкими являются указанные В. Я. Петрухиным [1998: 355] — из «Беседы» Пресвитера Козьмы: «...кресты на высокихъ мѣстѣхъ стояща, на нихже прежде жряху бѣсомъ челоуѣци», и В. К. Зиборовым [1995: 137] — из «Слова о законе и благодати»: «Капища разрушахуся, и церкви поставляхуся /.../ Манастиреве на горахъ сташа, чьрноризыци явишася». Поскольку перекличка со «Словом о законе и благодати» обнаруживается и в предыдущей фразе, прямая ориентация автора Предисловия на сочинение Илариона представляется очень вероятной. И в этом отношении Предисловие обнаруживает глубинное родство с одним из слоев начального летописания, текстуальные и идейные связи которого со «Словом» Илариона отмечались неоднократно, хотя и интерпретировались по-разному. Ошибочной нужно признать точку зрения Д. С. Лихачева, отнесившего соответствующие фрагменты ПВЛ к ее древнейшему ядру — реконструируемому исследователем «Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси». В свете наблюдений Л. Мюллера [2001:

³⁵ Специально о манере работы этого книжника, охотно черпавшего литературный материал из ранних частей Новгородской летописи, см. [Гиппиус 2009б: 183—185].

141—164], этот пласт ПВЛ, объединенный темой «новых людей христианских», выглядит далеко не первоначальным и никак не может быть датирован временем ранее 1070-х гг. В предложенной нами стратификации повествования ПВЛ о крещении Руси [Гиппиус 2008a] этот пласт является третьим по счету и соотносится с Начальным сводом 1090-х гг., к которому относится и Предисловие.

Смущающее некоторых комментаторов выражение значений ‘где’ и ‘там’ наречиями *куда* и *туда* не противоречит узусу начального летописания. Ср. во Введении ПВЛ: «Кривичи же съдаты на верхъ Волги а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ, *туда* бо съдаты Кривичи» [Лавр.: 10; Ипат.: 8]; наличие данного чтения в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях гарантирует его восхождение к архетипу начала XII в. Использование в Предисловии пары *куда* ~ *туда* вместо более обычной для церковнославянского синтаксиса связки *идѣ* ~ *ту* может объясняться стремлением автора усилить параллелизм начальных частей двух фраз («куда же древле погании...» ~ «туда же нынѣ святыя...»).

К стр. 19. *...святыя църкви златовърхыя, каменозъданыя...* — Упоминание «златоверхих» церковей противники шахматовской датировки Предисловия считают анахронизмом для Киева конца XI в., отмечая, что «первой и долгое время единственной “златоверхой” церковью была Михайловская “Золотоверхая” в Киеве, о закладке которой летопись сообщает под 1108 г.»³⁶ [Фоллин 2009: 145]. На чем основывается такая уверенность, не вполне понятно. Статья ПВЛ 1108 г. ничего не говорит об исключительности предпринятого Святополком золочения куполов Михайловской церкви; более того, сама эта акция в ней даже не упомянута — церковь лишь названа «золотоверхой». Причиной, по которой она и в дальнейшем упоминается с этим определением, вполне могло быть противопоставление другой знаменитой Михайловской церкви — во «Всеволоже» монастыре на Выдубичах, а не уникальность золотых куполов Святополкова храма. И, хотя свидетельства Яна Длугоша о золочении Ярославом купола Св. Софии и церкви на Золотых воротах [Щавелева 2004: 103, 251], на которые ссылался Шахматов [1947: 157], есть основания подозревать в неаутентичности, уверенно утверждать, что в Киеве до начала XII в. не было ни одной церкви с вызолоченным верхом, не приходится, особенно учитывая безразличие авторов ПВЛ к внешнему облику многочисленных киевских храмов XI в.

Нельзя сбрасывать со счетов и другую возможность: «златовърхыя» могло быть механическим добавлением, сделанным в оригинале Предисловия уже после завершения строительства Михайловской «Золотоверхой». Обратим внимание на следующую деталь: в Берлинском (Филиппса) списке Н1Л перед этим прилагательным читается синтаксически совершенно

³⁶ Имеется в виду сообщение ПВЛ: «Заложена бы^с церкы ста^г Михаила золотоверхаа Стополко^м князе^м въ 11 июлиа м^сца» [Лавр.: 283].

неуместный союз *и*: «с̄тыа ц̄рк̄ви и златоверхіа каменозданныа стоать». Объяснить эту аномалию можно, трактуя «и златоверхіа» как глоссу на полях оригинала, ошибочно внесенную писцом архетипа перед «каменнозданныа», а не после этого слова, к которому эта глосса относилась³⁷.

Отдельно отметим, что прилагательное *каменозданныи* фиксируется словарями исключительно в рассматриваемом контексте. Вероятно, не будет ошибкой видеть в нем книжный конструкт, порожденный самим автором Предисловия как возвышенный эквивалент нейтрального *каменныи*.

К стр. 21—22. *...беспрестани славяще Бога въ молитвахъ, въ бѣдѣнии, въ постѣ, въ слезахъ...* — В ПВЛ параллель к этому месту находим в рассказе о начале Печерского монастыря под 1051 г.: «Мнози бо манастири ѿ ц̄ръ и ѿ боаръ и ѿ бѣтства поставлени, но не суть тацѣ, кацѣ суть поставлени слезами, пощеньемъ, мл̄твою, бѣдѣнемъ». Сходство это, конечно, не свидетельствует о знакомстве автора Предисловия с текстом ПВЛ — рассматриваемое сочетание представляет собой топоним монашеской литературы, обнаруживая особую близость к слову Ефрема Сирина «О втором Господнем пришествии и о покаянии»: «О сем помышляй, чадо, каждый день, каждую ночь, каждый час, и старайся пребывать *в постѣ, во бдении, в молитве, в слезахъ*» [Ефрем Сирин, 3: 149]. От его соответствия в слове Ефрема Сирина контекст из Предисловия отличается лишь перестановка первого и третьего компонентов, выдвигающая на первое место «молитву» согласно логике древнерусской фразы («славяще Бога въ молитвахъ...»). Отметим также близость построения этой фразы к следующему месту из похвалы Владимиру в статье 1015 г., принадлежащей, судя по всему, составителю Начального свода: «сего бо в память держать Русьстии людье поминающе стое кр̄щнѣ и прославляютъ *Ба въ мл̄твахъ и в п̄снѣхъ и въ псалмѣхъ*» [Лавр.: 131].

К стр. 26. *Мы же на послѣдование възвратимся.* — При наличии в древнерусских текстах целого ряда формул возвращения к прерванному повествованию («на преднее възвратимся», «на предлежащее...», «на свое...», «на предълѣжащую повѣсть...» и др.) оборот «на послѣдование възвратимся» в других источниках не засвидетельствован. При этом он представляет собой очевидную кальку греческой формулы ἐπὶ τὴν ἀκολουθίαν (ἐπαν)ἐλθόμεν, хорошо представленной в византийской богословско-гомилетической литературе. Приведем лишь два из сорока контекстов, любезно сообщенных нам А. Ю. Виноградовым, предпринявшим по нашей просьбе поиск в электронной базе данных TLG-online: «Фѣре οὖν ἐπὶ τὴν

³⁷ Аналог такому ошибочному внесению глоссы находим в Мстиславовой грамоте 1130 г. Аномальную постановку союза *или* во фразе «даже къто запъртити или тоу дань и се блюдо» мы склонны объяснять тем, что слова «или тоу дань», первоначально записанные на полях как добавление к первоначальному проекту документа, были при переписке внесены в текст не после слова *блюдо*, а перед ним [Гиппиус 2008б: 119—120].

ἀκολουθίαν ἔλθωμεν» (*Joannes Chrysostomus. De paenitentia* (PG 49, 293)); «Ἄλλ' ἐπὶ τὴν ἀκολουθίαν ἐπανεέλθωμεν τοῦ λόγου» (*Joannes Chrysostomus. In illud: Diligentibus deum omnia cooperantur in bonum* (PG 51, 168)).

К стр. 27. ...о началѣ Русьскыя земля и о кнѣзихъ, како и отъкуду быша. — Фрагмент представляет собой, по существу, еще одну формулировку заглавия «Временника». Впервые вводимое здесь понятие «начало Русской земли» имеет основополагающее значение для концепции Предисловия и Начального свода в целом, см. [Гиппиус 2006: 78—81]. Упоминаемое еще раз в конце Предисловия («от начала Русьскыя земля и до сего лѣта и въсе по ряду извѣстно да съкажемъ»), оно открывает первую годовую статью НПЛ, полагая начало ряду однотипных заголовков: «В лѣто 6352. Начало земли Руской»; «Начало княженья Святослава. В лѣто 6454»; «А с княжение Ярополче. В лѣто 6480»; «В лѣто 6488. Начало княжения Володимира» [НПЛ: 104, 112, 124, 125]. Эти заголовки, внесенные в текст одновременно с разделением его на годовые статьи, имеют очевидный хронографический прототип в виде заголовков ХГА: «Начало црѣтвию Навходоносорову» и «Начало ромѣискихъ црѣтвии» [Истрин 1920: 185, 205]. Еще один заголовок ХГА — «Временникъ христьянскихъ цѣсаревъ...» — отразился, как мы уже видели, в названии «Временникъ русьскихъ князь...». Предисловие, таким образом, еще раз обнаруживает тесную связь с композицией Начального свода, заключая в себе ее обоснование.

Оборот «како и откуду быша», за который автору Предисловия так досталось от С. Фоллина³⁸, воспроизводит формулу, многократно представленную в названиях и инципитах памятников церковнославянской книжности и явно калькирующую греческий источник. Её можно найти, например, в заглавии «Сербской Александрии»: «К воинством устремляющесе полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуду бысть и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася» [БЛДР 8: 14]. Ср. также заголовок выписки из Хроники Амартала в сборнике XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304.1, № 770): «СѦ Клавдии цѣри и ѡ посничьско^м бѣголюбивѣмъ жительствѣ, како и ѡкоуду бысть» (л. 249 об.). Приведем также греческий контекст из Хроники Георгия Синкелла: «Σικωνίων βασιλεῖς πῶς καὶ πόθεν ἤρξαντο» (*Georgius Syncellus. Ecloga chronographica*, p. 109).

С. Фоллин верно подметил связь между комментируемым фрагментом Предисловия и заглавием ПВЛ: «...откуду есть пошла Русьская земля и кто въ ней поча пѣрвѣе кнѣжити и отъкуду Русьская земля стала есть». Два заголовка действительно демонстрируют значительное структурное сходство. Оба толкуют о происхождении и о начале, но если в Предисловии речь идет о начале Русской земли и о происхождении князей, то в за-

³⁸ «Это последнее како откуду быша, наряду с туды церкви стоять, выдает в авторе Предисловия стилиста потрясающей силы» [Фоллин 2009: 148].

главии ПВЛ, наоборот: о начале киевского княжения и о происхождении Русской земли. Аргументы двух предикатов как бы меняются местами, что заставляет видеть в одном заголовке реплику другого, его зеркальное отображение.

О наличии прямой зависимости между двумя заголовками говорит и следующее обстоятельство. Слова ПВЛ «и кто в ней почаль пѣрвѣ княжити», сопоставленные С. Фоллиным с толкованием на Апокалипсис, находят еще более близкое (с совпадением грамматических форм) соответствие в «Летописце вскорѣ» патриарха Никифора — одном из важнейших источников ПВЛ. Ср.: «Въ 23-е лѣто ея (Клеопатры. — А. Г.) нача в Римѣ пѣрвое цесарствовати Иулии кесарь» [Тихомиров 1962: 236]. Но начало правления Цезаря — это, как мы только что видели, и одна из двух вех мировой истории, отмечаемых заголовками Амартола, которые послужили образцом для «начала земли Русской» в Предисловии³⁹.

Какой же из двух летописных контекстов послужил источником для другого? Допустив первичность заглавия ПВЛ (что предлагает Фоллин), мы вынуждены будем принять следующий маловероятный сценарий: автор Предисловия, опознав в этом заглавии фразу о Цезаре «Летописца вскорѣ», «переключился» на соответствующее место Амартола и, найдя в нем заголовок, сделал по его модели свой собственный. И это при том, что в самом «Летописце вскорѣ» (о знакомстве с которым автора Предисловия нам, заметим, ничего не известно) фраза не является заголовком и никак специально не выделена в тексте. Альтернатива выглядит намного проще, а главное — хорошо согласуется с тем, что мы знаем об источниках начального летописания: составитель ПВЛ, прекрасно знакомый с текстом Амартола, соотнес слова Предисловия о «начале земли Русской» и заголовок статьи 6362 г. с заголовком «Начало ромѣскихъ цѣсарствии» и перенес эту историческую ассоциацию в название своего труда, используя соответствующую формулировку другого своего важнейшего источника — «Летописца вскорѣ». Это тем более вероятно, что именно с помощью «Летописца» составителем ПВЛ была откорректирована дата начала царствования Михаила III, вычисленная составителем Начального свода на основе Хронографа в качестве «начала Русской земли».

Дальнейшие аргументы в пользу именно такого соотношения фрагментов дает рассмотрение их в более широком контексте. В структурном отношении модели, представленные в Предисловии («начало земли Русской») и заглавии ПВЛ («нача княжити»), соотносятся как именная и глагольная. В НІЛ представлена (приведенными выше заголовками) исключительно первая. В ПВЛ, по статью 6524 г. включительно (то есть на том участке, где, как мы считаем, НІЛ отражает более древний вариант на-

³⁹ Заметим, что непосредственно за заголовком «Начало ромѣскихъ цѣрствии» в ХГА следует фраза, сходная с фразой «Летописца вскорѣ»: «По сихъ же црѣтвова Иоулии цѣрь 1-е и единъ облада ромѣскими скипетры» [Истрин 1920: 205].

<p><i>ПВЛ 1097</i>: аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватиса и возмутъ <u>землю нашу, иже бѣша стажали</u> <u>вѣи ваши и дѣди ваши трудо^м велики^м</u> и храбрьствомъ, <u>побарающа по Русьскѣи земли ины земли приискываху</u>, а вы хочете погубити землю Русьскую</p>	<p><i>ПВЛ 1054</i>: аще ли будете ненавидно живуще в распрахъ и которающеса, то погыбнете самї [и] [погубите] <u>землю вѣць своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ</u></p> <p><i>Предисловие</i>: И како <u>отъбараху Русьскыя земля и ины страны приимаху подь ся</u></p>
---	--

Допуская вторичность Предисловия по отношению к ПВЛ, мы должны были бы предположить, что фраза, которой автор статьи 1097 г. продолжил заимствование из завещания Ярослава, была в дальнейшем сама использована автором Предисловия. Допущение обратной зависимости позволяет избежать этой двухступенчатой схемы, объяснив соотношение текстов контаминацией в статье 1097 г. контекстов из завещания Ярослава и Предисловия. Это объяснение кажется тем более вероятным, что характер отношений, связывающих соседние фразы статьи 1097 г. с их предполагаемыми источниками, в обоих случаях один и тот же (сохранение смысла и общего построения фразы при замене части лексем на синонимичные: *налѣзоша* → *стажали*, *отъбараху* → *побарающе*, *приимаху подь ся* → *приискываху*).

Лингвистический интерес представляет генитивное управление глагола *отъбарати*. В недавнем исследовании, специально посвященном вариативности генитива и аккузатива при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ в русских летописях, данный контекст приводится лишь в варианте Н4мл («обороняху Рускіа земля»), при этом отмечается, что для глаголов с приставками *о-* и *сѣ-*, имеющими результативное значение, управление генитивом в целом нехарактерно [Малышева 2008: 72]. Очевидно, что в данном случае управление «унаследовано» от чтения архетипа, в котором глагол имел другую приставку.

К стр. 33—36. Обличение автором Предисловия современных ему князей находит хорошо известные параллели в статье 1093 г., которыми А. А. Шахматов обосновывал свою датировку текста. Аргументы Шахматова представляются в полной мере сохраняющими свою актуальность, а игнорирование их сторонниками поздней датировки Предисловия — вполне тенденциозным, см. [Гиппиус 2006: 63—64]. Это относится и к попытке К. Цукермана развести Предисловие и статью 1093 г. как представляющие принципиально разные уровни критики власти. «Автор Предисловия, — пишет К. Цукерман, — обличает неправду княжьего суда как системную, практикуемую всеми современными ему князьями, ибо направленную на их личное обогащение. Что же касается киевского летописца, руководимого жалобами видного представителя “первой дружины” Яна Вышатича, то тот лишь позволяет себе критическое замечание в адрес отдельных неудачно выбранных приближенных князя, личная добродетель которого при

этом всячески подчеркивается» [Цукерман 2009: 283—284]. Говоря о вере киевского летописца в «праведный княжий суд», К. Цукерман, по всей вероятности, имеет в виду слова «людемъ недоходити княже правды». Однако *правда* выступает здесь как юридический термин, обозначая не «праведный» суд, а суд как таковой⁴¹. То, что в некрологе Всеволода летописец частично снимает с него ответственность за беззаконие, творимое княжескими чиновниками, не подлежит сомнению; однако ожидать от некролога прямого обличения умершего князя было бы странно. Очевидно, с другой стороны, что, говоря об истощенности Русской земли «от рати и *от продаж*», автор статьи 1093 г. имел в виду не частные злоупотребления «отдельных неудачно выбранных приближенных князя», но общее положение дел с княжеским правосудием. Наконец, приведенное Шахматовым свидетельство Киево-Печерского патерика (почему-то игнорируемое К. Цукерманом) об обличении Святополка Изяславича игуменом Иоанном, обвинявшим князя в «несытстве», прямо показывает, что в той же среде, из которой, по Шахматову, вышло «Предисловие», и в то же самое время, когда оно, как предполагается, было написано, острота критики княжеской власти достигала именно того уровня, который мы находим в этом произведении.

К стр. 34. ...*ни творимых вирь, ни продажъ вьскладаху на люди...* — «Творимая вира» как противоположность «правой виры» из других источников неизвестна. Глагол *творити* выступает в этом сочетании в специальном значении ‘считать, утверждать что-либо’. Это значение, как правило (хотя и не обязательно), реализуется в контекстах, где речь идет о ложном или сомнительном утверждении (ср., например, в НІЛ под 1316 г.: «творяхуть бо его перевѣтъ державша к Михаилу; а богъ то вѣсть» [НПЛ: 95]; таким образом, «творимая вира» — это ложная, выдуманная вира. Что именно следует понимать под «выдуманной» вирой, не вполне ясно: с одной стороны, так может быть назван штраф, назначенный по оговору, за несовершенно преступление; с другой — штраф, законодательно не предусмотренный за совершение определенного деяния. Поскольку древне-

⁴¹ Заметим, что неточное понимание этого сложного места отражает и русский перевод: «Они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой» [ПВЛ 1996: 230]. Слова «и людемъ не доходити княже правды» этот перевод трактует как независимое предложение, отрывая от предшествующего «негодовати дружины своя первая». Между тем в оригинале две инфинитивные конструкции синтаксически однородны и передают содержание наущений младшей дружины. Ср. правильный немецкий перевод Л. Мюллера: «Die aber begannen, ihn irrezuführen, daß er nicht auf seine erste Gefolgschaft hören und daß das Volk keinen Zutritt zur Rechtsprechung durch den Fürsten haben sollte» [Müller 2001: 256] («Они же стали наущать его, чтобы он отверг свою старшую дружину и чтобы люди не имели доступа к княжескому суду»). Такое строение древнерусской фразы делает понимание «правды» как «праведного суда» невозможным.

русская вира была штрафом, назначавшимся исключительно за убийство, более вероятной представляется первая трактовка.

Противопоставление «творимой» и «правой» виры в Предисловии, несомненно, отражает реальность времени написания текста. Поэтому принципиально важным нужно признать тот факт, что виры как основной формы уголовного наказания, какой она была в эпоху составления «Русской правды» (РП), источники XIV—XV вв. уже не знают. Хотя сам термин спорадически появляется в документах этого времени, характер его употребления в корне отличается от свидетельствуемого домонгольскими памятниками. «Вирой» в текстах XV—XVI вв. называется в основном пережиточно сохраняемая «дикая вира» «Русской правды», т. е. коллективный откуп за убийство, выплачиваемый общиной в случае необнаружения убийцы (ср. примеры в [Сл. XI—XVII, 2: 80, 188], а также [Зимин 1999: 334]); при этом слово может записываться как *вѣра*, утрачивая свою лексическую индивидуальность⁴². В Двинской уставной грамоте 1397 г. «вирой» названо само убийство («Оже учиниться вира, гдѣ кого утепутъ, инѣ душегубца изыщуть») [ГВНП: 144], наказанием за которое является, как можно догадываться, смертная казнь, см. [Зимин 1999: 321]. В том же памятнике в контексте, в котором в «Русской правде» упоминается вира, выступает уже «вина» — термин, входящий в употребление в эту эпоху: «А кто господарь огрѣшитя, ударить своего холопа или робу а случиться смерть, в томъ намѣстници не судяты, ни *вины* не емлютъ»; ср. в РП: «а в холопѣ и в робѣ *виры* нетуть» [Там же: 323]. Псковская судная грамота, знающая штраф за убийство, называет его, однако, не вирой, а «продажей» [Там же: 314]. Не фиксируются в источниках XIV—XV вв. и производные от *вира* — слова *вирник*, *вирное*, *полувирье*; только в домонгольских источниках представлены и словосочетания, называющие разновидности виры: *(по)клепная вира*, *дикая вира*.

На этом фоне противопоставление в Предисловии «творимой» и «правой» виры, равно как и противопоставление в нем вир и продаж, однозначно характеризует этот текст как ранний, созданный в эпоху, в которую вира как штраф за убийство свободного человека составляла основу древнерусского уголовного права.

К стр. 35. ...*нѣ оже будяше правая вира*... — Комментируя употребление в Предисловии грамматического архаизма *будяше*, я ранее ошибочно утверждал, что эта форма не встречается в древнерусских текстах, созданных позднее начала XII в., см. [Гиппиус 1997: 54]. Это не так: А. В. Духанина [2008: 16] обнаружила несколько примеров в «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым. Нужно, однако, иметь в виду, что в области глагольного словоизменения узус Епифания вообще

⁴² Такие написания представлены и в списках Предисловия: «правая *вѣра*» вм. «правая вира» находим в Толстовском и Бальзеровском списках С1 и Новороссийском списке Н4, где *вѣра* переправлено на *вира*.

чрезвычайно своеобразен. В данном случае он несомненно обусловлен ориентацией на конкретный литературный образец — Несторово «Житие Феодосия Печерского», в котором *будяше* встречается неоднократно наряду с другими имперфектами совершенного вида, некоторые из которых Епифаний также воспроизводит в своем тексте. Появление данной формы в Предисловии можно было бы объяснить подобной же имитацией узуса ПВЛ, в которой она представлена рядом примеров. Однако в том объеме, в каком текст Начальной летописи читается в НЛ, он формы *будяше* не знает; предполагать же знакомство автора Предисловия с полной версией ПВЛ у нас оснований нет. Трактовка рассматриваемого контекста как представляющего аутентичное употребление книжника конца XI в. выглядит поэтому предпочтительной.

К стр. 36. *А ту възьма даяше дружинѣ на оружьи.* — Форма ед. числа сказуемого *даяше* предполагает подлежащее *князь*, при том что до этого речь шла о князьях во множественном числе («ти бо князи...»). Такое пренебрежение формальной координацией между частями сложного синтаксического целого, обусловленное опорой на контекст и его понятность адресату речи, характерно для древних восточнославянских памятников; в XIV—XV вв. оно встречается намного реже, уступая место большей логической упорядоченности письменного языка, см. [Живов 2008]; ср. примеры исправления подобных «шероховатостей» языка раннего летописания редакторами XV в. в [Гиппиус 2004: 191—192]. Предисловие ведет себя в данном отношении как типичный раннедревнерусский текст.

Как указано А. А. Шахматовым, параллель к данной фразе в тексте Начального свода составляют слова «епископов и старцев» из рассказа статьи 6504 г. о попытке Владимира заменить виры смертной казнью: «рать многа: вже вира, то на вружьи и на кони^х буди» [Лавр.: 127]. Заметим, что отсылка к этому пассажи могла обусловить необычное управление *на оружьи* в рассматриваемой фразе.

Особо отметим, что место, уделенное в Предисловии дружине, само по себе говорит в пользу ранней датировки памятника. В XIII в. число летописных упоминаний княжеской дружины резко падает по сравнению с предыдущим столетием, а в XIV в. термин *дружина* вообще перестает употребляться в значении «княжеское окружение» [Сорокалетов 1970: 154—155]. В такой динамике употребления термина исследователи видят свидетельство «разложения» института дружины, см. [Горский 1989: 80]. В новгородской летописной традиции это изменение отразилось наиболее ярко: в тексте НЛ за первую треть XIII в. — времени, когда, согласно одной из версий, было создано Предисловие, — дружина не упоминается вовсе: ее место последовательно занимают «двор» и «дворяне», см. [Назаров 1978: 122—123]. Можно возразить, что автор Предисловия прямо не называет современное ему княжеское окружение дружиной; однако черты архаичного дружинного уклада выступают в его обвинениях со всей определенностью.

К стр. 39. ...не жадяху: мало ми е, княже, 200 гривнь. — Огромная для выплаты дружиннику сумма в 200 гривен не раз использовалась как аргумент против ранней датировки Предисловия. Так, С. Фоллин [Фоллин 2009: 147] предлагает видеть в ней аллюзию к рассказу о съезде в Уветичах 1101 г., на котором Давыд Игоревич, среди других компенсаций за отобранную у него волость, получил 200 гривен от Владимира Мономаха. Как заметил (устно) В. А. Кучкин, 200 гривен серебра, или 12 гривен золота, были выплачены в качестве отступного в 1146 г. и князю Ивану Ростиславичу Берладнику [Ипат.: 338]. Эта сумма, таким образом, вполне могла быть своеобразной константой межкняжеских финансовых расчетов. Однако каким образом эта константа могла отразиться в рассматриваемом пассаже Предисловия, непонятно: ведь речь в нем идет не о князьях, а о дружине, причем недовольной таким вознаграждением и, следовательно, его получающей. Для С. Фоллина, готового приписать автору Предисловия любую бессмыслицу, проблемы здесь нет; меж тем она существует.

К. Цукерман, датируя Предисловие 20-ми гг. XIII в., видит в данном упоминании отражение процесса инфляции гривны. Цитируя сводку цен на хлеб в статье 1228 г. НІЛ, исследователь заключает: «[Т]а покупательная способность гривны, что проявляется в статье за 1228 г., не только сопоставима с окладом дружинника в 200 гривен, но и объясняет их стремление добиться прибавки к жалованию» [Цукерман 2009: 286]. Не будем забывать, однако, что жалование дружинников Предисловия обеспечивало им не только сносное пропитание, но и золотые обручи для жен, и что цитируемое требование приводится летописцем как образец непомерной алчности. Нельзя не заметить и следующего: отношения между князем и дружиной, которым столь много внимания уделяет киевское летописание, для республиканского Новгорода — тема в принципе неактуальная, и то, что в Предисловии она выдвинута на первый план, само по себе характеризует его как киевский, а не новгородский текст.

П. С. Стефанович [2009: 12—13], разделяя шахматовскую датировку Предисловия, допускает, что 200 гривен получала вся дружина, а не один княжеский муж. Опираясь на чтение Толстовского списка («мало ми есть нам...»), он трактует *ми* как усилительную частицу местоименного происхождения (*dativus ethicus*), ссылаясь при этом на работу А. А. Алексева [1991]. Однако текстологически *намъ* в этом контексте — безусловно, вторичное чтение; в отсутствии же его *ми* не может быть истолковано иначе как форма личного местоимения. Несомненным поэтому представляется, что речь идет о вознаграждении одного человека, а не дружины в целом.

Однозначно трактовать это действительно сложное место, по-видимому, невозможно. Вполне вероятно, что, как и думал Шахматов, здесь имеется в виду запомнившийся современникам инцидент, когда кто-то из дружинной верхушки остался недоволен самым щедрым пожалованием (очевидно, разовым, а не периодическим). С другой стороны, нельзя ис-

ключать возможности появления цифры 200 в архетипе Предисловия вследствие неверного прочтения оригинала. Последний, как мы ранее заключили, был ветхим и частично осыпался. Одна из вызванных этим ошибок архетипа («ждяху» вм. «не жадяху») приходится как раз на рассматриваемую фразу, и можно думать, что текст в этом месте читался особенно плохо. Цифра, прочитанная переписчиком как \overline{c} (200), вполне могла изначально представлять собой \overline{b} (70), утратившее правый бок, или \overline{e} (5), лишившееся язычка⁴³. В зависимости от того, имелся ли в виду месячный или годовой оклад, выбор одного из этих вариантов дает вполне приемлемый порядок величины⁴⁴.

К стр. 42. ...и расплодили были землю Русьскую. — Яркий пример восточнославянского плюсквамперфекта в основном для него значения отменного результата, см. [Петрухин, Сичинава 2006]. Особенно показательным этот контекст делает наличие для него известной параллели (и, судя по всему — прямого источника) в рассказе о мести Ольги. Ср. в речи древлянских послов в Н1: «посла насъ Деревьская земля, ркуще сице: мужа твоего убихом, бяше бо мужъ твои акы волкъ, восхыщая и грабя; а наши князи добри суть, расплодили землю нашу» (в Лавр. и Ипат.: «распасли суть»). Форма перфекта в речи древлян указывает на актуальный результат благотворной политики местных князей, противопоставленной грабительским действиям Игоря. В Предисловии это противопоставление переведено из синхронного плана в диахронический: деятельность прежних («древних») князей привела к благосостоянию, уничтоженному «несытством» нынешних правителей и их дружин⁴⁵. В соответствии с этой содержатель-

⁴³ Пример подобного «превращения» одной цифры в другую представляет дата Лобковского пролога 1262 г., в настоящее время имеющая вид $\overline{c}5\overline{c}$. Наиболее вероятное прочтение даты как 6770 (1262) предполагает, что \overline{c} — это \overline{b} с осыпавшейся правой стороной, см. [Вздорнов 1972: 257—259].

⁴⁴ В единственном источнике, упоминающем дружинный «оклад» — новгородской берестяной грамоте № 788 (посл. четв. XII в.), — его величина составляет две с половиной гривны («а гриди польь третье (гривь)нѣ оклада же») [НГБ XI: 21], что вдвое меньше суммы, предполагаемой одним из вариантов конъектуры (заметьте — наиболее вероятным, поскольку утеря язычка \overline{c} — самый элементарный из возможных дефектов). Если речь действительно идет о пяти гривнах месячного содержания, то в расчете на год оно должно было составлять 60 гривен — сумму весьма значительную. Оговорим также, что возможность помесячного исчисления выплат подтверждается другой берестяной грамотой, № 806 (60—80-е гг. XII в.), сильно фрагментированный текст которой заканчивается упоминанием посланного в некий погост финансового распоряжения, при этом называются суммы: «...(гри)вьнѣ, а по пол(оу)цетвьртѣ н(а) мѣсачь») [Там же: 33].

⁴⁵ Заметим, что глагол *грабити*, противопоставленный в речи древлян *расплодiti*, отсутствует в Предисловии (что понятно, поскольку деятельность современных князей в нем прямо не описывается), зато выступает в некрологе Всеволода под 1093 г.: «начаша ти оунии *грабити* люди и продавати». Пара *грабити* — *рас-*

ной трансформацией перфект заменен плюсквамперфектом: *расплодили* → *расплодили были*; перфектом же обозначен актуальный результат разорительных действий нынешних князей — наведение поганых («*навелъ Богъ на ны поганья*»).

К стр. 43—44. *За наше несътъство навелъ Богъ на ны поганья, а и скоти наша и села и имѣния за тѣми суть...* — Выражения, в которых Предисловие характеризует нашествие «поганых», не позволяют видеть в них ни монголо-татар, приход которых обернулся для Руси полной катастрофой, ни литовцев и финно-угорских племен, чьи набеги на Новгородскую землю носили, напротив, локальный характер и не сопровождались отторжением и запустением сельских территорий⁴⁶. Между тем к постоянным и опустошительным половецким набегам конца XI в. эта характеристика приложима вполне. Здесь, впрочем, необходимо сделать одно уточнение. Следуя за М. Х. Алешковским, я ранее склонен был относить слова Предисловия к половецким нападениям последних лет княжения Всеволода Ярославича, находя такую реакцию слишком скупой для событий 1093 г., повлекших за собой большие человеческие жертвы и массовый угон пленных и описанных в летописи в намного более эмоциональной манере [Гиппиус 2006: 62]. Нужно, однако, иметь в виду, что описание нашествия, как таковое, в Предисловии отсутствует. Расценивая его как возмездие за неумное стяжание князьями и дружиной материальных ценностей, автор, соответственно, делает акцент на материальном же аспекте Божьей кары (утрате скота, сел, имущества). Описание человеческих страданий, в которых выразилась эта кара, и раскрытие ее провиденциального

плодити оказывается, таким образом, как бы разделена между статьей 1093 г. и Предисловием, чем еще раз подтверждается идейная и литературная связь между этими текстами.

⁴⁶ К. Цукерман [2009: 284] предлагает видеть во фразе Предисловия «реминисценцию битвы на Калке, памятуя, что первое татарское вторжение сопровождалось грабежом неукрепленных поселений, а не осадами и не взятием городов». Этому, на наш взгляд, препятствуют два обстоятельства. Во-первых, из рассказа П1 о битве на Калке явствует, что татары, разбив русских князей и пограбив окрестные территории, затем исчезли в неизвестном направлении столь же внезапно, как и появились («и не ведаем камо ся дѣша опять»). Слова Предисловия «и села наша... за тѣми суть» согласовать с таким положением дел невозможно. Во-вторых, в том же рассказе летописец подчеркивает, что о религии татар ему ничего не известно («ихъ же добръ никто же ясно вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ их, и коего племени суть, и что вѣра их»). Примечательным образом, татары в этой статье (в отличие от рассказа о Батыевом нашествии) не называются «погаными»; более того, это определение они сами применяют к половцам, говоря: «придохомъ, Богомъ пущени на холопы и на конюси свои на поганья половецѣ». Эти расхождения тем более существенны, что рассказ о битве на Калке в настоящее время уверенно атрибутируется как записанный со слов вернувшегося в Новгород в 1225 г. из Южной Руси архиепископа Антония, которого К. Цукерман [Там же: 291] склонен считать автором Предисловия.

смысла составитель Начального свода мог прибегнуть для патетического финала статьи 1093 г.

К стр. 45. *...а мы зълѣи своихъ не оставимъ.* — Слово *зълѣ* засвидетельствовано словарями исключительно в памятниках, оригиналы которых были созданы в домонгольское время. В источниках Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. оно встречается 18 раз (притом, что синонимичные лексемы *зълѣ* и *зълѣба* представлены соответственно 1000 и 600 употреблений) [СДРЯ 3: 428, 408, 410]. Слово неоднократно представлено также в переводных текстах Успенского сборника XII/XIII вв.; находим его и в дошедшей в сербском списке XIV в. части древнерусского «Поучения Моисея». Последний памятник (на который нам любезно указал А. А. Турилов) иногда датировался XIV в., но в настоящее время уверенно атрибутируется как новгородское сочинение середины XII в., см. [Турилов 1995: 83—87].

К стр. 49—51. *Да отъсель, братъе моя възлюбленая, останемъ ся отъ несытства своего, но довълъни будѣте урокъе вашими.* — В обращении этих строк к светской аудитории К. Цукерман видит важный аргумент в пользу атрибуции Предисловия как новгородского текста XIII в. «“Братия моя възлюбленая” Предисловия, — пишет исследователь, — это не монастырская братия, которую странно было бы призывать отказаться от несытства, творения насилия и прочих грехов, не монахам свойственных. Это “братия” в значении “собратья, сограждане”, словарные примеры которого происходят как раз из статей НІЛ за 1214 и 1228 г. (СДРЯ I: 308, кол. I). Подобного рода обращения в светский мир я в ранней летописи не усматриваю. Мир сводчиков 1070-х и 1090-х гг. — это их монастырь, а принятое в научной литературе представление о публицистической направленности летописи восходит в конечном счете к тому же Предисловию. Автор же Предисловия, в котором нельзя не заподозрить самого архиепископа Антония — это и в самом деле проповедник и публицист, для которого летопись — это текст, обращенный к миру и обладающий общественным звучанием. Подобная позиция летописца являлась бы для XI в. полным анахронизмом» [Цукерман 2009: 291].

Согласиться с этими положениями мы не находим возможным. С утверждением, будто мир киево-печерских летописцев ограничивался их монастырем, спорить не станем — слишком очевидным является обратное. Помимо монастырской братии Начальная летопись знает и «мирскую братию», рассматривая ту и другую как взаимодополняющие части единого христианского сообщества. Наиболее отчетливо этот взгляд выражен в концовке рассказа о печерских подвижниках статьи 1074 г.: «Таци ти быша черноризци Феодосьева монастыря, иже сияють и по смрти како свѣтила и молатъ Ба за сдѣ суцую бра^тю и за мирскую бра^тю и за приносяща въ монастырь...». Близкая мысль о монашеской молитве как условии сохранения Богом мироздания звучит и в Предисловии («черноризци... ихъ же ради молитвъ миръ стоять»). Попечение о «мирской братии» печерский летописец ставит в особую заслугу Феодосию: «Игуменьство бо Феодосью

держашю в животѣ своемъ, правашю стадо порученое юму Бѣмъ — черно-ризи, не токмо бо си єдины, но и мирьскими печашеса, в дѣшяхъ ихъ, како быша спѣлса». Обращенная в мир социальная проповедь как раз и является формой этого попечения, и странно, что К. Цукерман не находит в ранней летописи примеров такого рода. К кому же тогда обращено включенное в статью 1068 г. «Слово о казнях Божьих» с его обличениями языческих привычек, явно адресованными не печерской братии? Нельзя, наконец, еще раз не вспомнить игумена Иоанна, чье обличение Святополка Изяславича, упоминаемое Киево-Печерским Патериком, Шахматов с полным основанием связывал с публицистической направленностью Предисловия.

К стр. 52. *...яко и Павль пишетъ: «Емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ.* — В статье 1909 г. Шахматов, по непонятной для нас причине, трактовал эту цитату из Апостола [Рим. 13: 7] как позднейшую вставку. В реконструкции 1916 г. цитата имеется. Предполагать ее вставное происхождение нет никаких оснований.

К стр. 54. *...въ страсть божии и правовѣрии свое спасение съдѣвающе...* — Использован текст Апостола: «Съ страхом и трепетом свое спсєние съдѣвайте» [Фил. 2: 12 (ОБ)].

К стр. 56. *...и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ...* — Использована формула Великого входа на Литургии преждеосвященных даров: «Вѣрою и любовию приступимъ, да причастници жизни вечныя будемъ». Интересно отметить, что точно таким же образом заканчивается «Поучение о душевной пользе» Феодосия Печерского: «И своя бо лѣности забыхъ въ вашемъ тщании, и еже бо велико поспѣшение имѣете о службѣ церковнѣй, и въ длѣготрѣпнѣи стоании въ всѣхъ бо годинахъ и службахъ обрѣтающесе, и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующесе. Потщание имѣйте, да тогожде блаженства сподобистесе и жизни вѣчнѣи причастници будете, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашем» [БЛДР 1: 444]. Подчеркнем, что речь идет не о заключительном призыве к стяжанию вечной жизни, представляющем собой гомилетический топос, но об использовании в оформлении этого топоса именно данной литургической формулы, другие случаи которого нам неизвестны.

С учетом приведенных ранее и только что указанных параллелей концовка Предисловия демонстрирует весьма непростую словесную организацию. Почерпнутый из нескольких источников материал переплавлен в ней в грамматически и риторически безупречно выстроенный период, не оставляющий сомнений в высокой литературной компетенции автора.

К стр. 57. *Си же таковая.* — В этих словах, трактованных А. А. Шахматовым как отдельное предложение, М. Х. Алешковский [1981: 104] увидел «уцелевший остаток нарушенной древней фразы», в полном виде сохранившейся в Тверском сборнике: «*Си же и таковая* вся оставльше, к прежеупомянутой повѣсти возвратимся [ПСРЛ 15: 28]». Очевидно, однако, что составитель Тверского сборника в данном случае проявил свою редак-

торскую индивидуальность, распространив чтение оригинала, показавшееся ему неполным. Между тем Шахматов был несомненно прав, и текст не нуждается в дополнении. Мы имеем дело с законченной формулой, подводящей итог сказанному выше и означающей: ‘С этим (о чем шла речь выше) дело обстоит так (как мы сказали)’. Частичные функциональные и структурные аналогии эта формула находит в памятниках ранней древнерусской агиографии и гомилетики: «Сим сице бывшимъ, остана Русская земля в прельсти идольстеи» (Чтение о Борисе и Глебе Нестора [Абрамович 1916: 3]; «Сим же сице сказаном, и прочее без разума да не останеть» («Повесть к Василию игумену Печерскому...» Кирилла Туровского [БЛДР 4: 178]. Но наиболее близкие параллели находятся в Хронике Георгия Амартола: «Ḡ сихъ же тако», «Ḡ сихъ оубо тако» [Истрин 1920: 137, 331] (в греч. в обоих случаях: καὶ ταῦτα μὲν οὕτως). По свидетельству указавшего нам эти примеры А. Ю. Виноградова, данная греческая формула неоднократно встречается в византийских исторических сочинениях: «Хронографии» Феофана, «Историях» Льва Диакона, Никиты Хониата, Никифора Вриенния, у Анны Комниной и др. Поскольку на Руси из этого перечня был доступен только Амартол, приведенные контексты вполне можно было бы счесть непосредственным образцом, на основе которого автор Предисловия сконструировал свою формулу. В то же время нужно заметить, что летописный оборот, с указательным местоимением в номинативе, обнаруживает большее грамматическое сходство с греческой формулой, чем ее перевод в ХГА, что позволяет не исключать пользования автором Предисловия каким-то иным, пока не установленным источником. Ср. сказанное выше об обороте *на послѣдование възвратимъся*, для которого, при наличии несомненного греческого источника, мы пока также не можем указать параллелей в славянских переводных текстах.

К стр. 59. *...отъ Михаила цѣсаря до Александра и Исакия.* — Признавая, вслед за С. Фоллиным, что в архетипе Предисловия фраза читалась с именем *Александр*, мы в то же время никак не можем возвести это чтение к оригиналу. Представляется бесспорным, что исходными референтами двух имен могли быть только византийские императоры — соправители или, во всяком случае, современники. История Византии знает лишь две подходящие пары, которые и были названы Погодиным и Шахматовым. Это: 1) Алексей Комнин и его брат Исаак, севастократор, и 2) Алексей и Исаак Ангелы. Какая бы из двух пар не имелась в виду, маловероятно, чтобы летописец — современник этих царей (а в том, что фраза была написана современником, вряд ли возможно сомневаться) назвал Алексея Александром. Это «переименование» следует, на наш взгляд, относить к времени создания архетипа Предисловия, полагая, что в ее первоначальном виде фраза упоминала «А(О)лексия и Исакия» или «А(О)лексу и Исака». То, что вторичное чтение Троицкого списка оказывается в таком случае совпадающим с исходным, не должно смущать: книжник, зачеркнувший окончание словоформы *Александра* в антиграфе рукописи, вполне мог быть

знаком с оригинальным чтением и действовать, восстанавливая «историческую справедливость»⁴⁷.

С учетом уже сказанного теоретически возможными оказываются следующие версии появления рассматриваемой фразы в Предисловии:

1) фраза изначально присутствовала в Предисловии к Начальному своду и имеет в виду Алексея и Исаака Комниных [Шахматов 1909 (2003)];

2) фраза изначально присутствовала в Предисловии к Новгородской летописи, созданном в XIII в. в Новгороде, и имеет в виду Алексея и Исаака Ангелов — персонажей «Повести о взятии Царьграда» [Погодин 1857 и др.];

3) фраза представляет собой добавление книжника начала XIII в., включившего в Н1 «Повесть о взятии Царьграда», и имеет в виду Алексея и Исаака Ангелов [Шахматов 1947; Алешковский 1971 и др.]⁴⁸.

Каждая из версий имеет свои недостатки. Недостатком первой считается отсутствие в ПВЛ (в хронологических рамках Начального свода) упоминаний Алексея и Исаака Комниных, а также то, что Исаак был не императором, а лишь севастократором. Последний аргумент парируется приведенными Шахматовым свидетельствами, показывающими, что восприятие братьев как фактических соправителей имело место в византийском обществе. Провизантийски настроенный составитель Начального свода мог знать об этом и блеснуть этим знанием в предисловии к своему труду. Относительно же первого обстоятельства можно заметить, что, в отличие от имени царя Михаила, имеющего для концепции Начального свода основополагающее значение, имена Алексея («Александра») и Исакия являются лишь условными маркерами текущего момента («сего лета»), формально уравновешивающими первое имя, что не предполагает обязательного присутствия этих персонажей в тексте летописи.

Недостаток второй версии — в том, что к моменту включения в Новгородскую летопись «Повести о взятии Царьграда» (произведенного в бытность на кафедре архиепископа Антония, то есть не ранее 1210 г.) описанные в ней события были уже делом пусть недалекого, но прошлого и вряд ли подходили под указание «до сего лета». Легко возразить, что это указание нет нужды понимать строго хронологически; однако для погодной летописи именно такое понимание этих слов кажется наиболее естествен-

⁴⁷ В специальной работе (см. тезисное изложение [Гиппиус 2009а]) нами обосновывается гипотеза, согласно которой «переименование» Алексея в Александра было произведено составителем свода 1397 г., актуализировавшим таким образом хронологическое указание Предисловия, соотнеся его с двумя видными представителями новгородской знати рубежа XIV — XV в. — посадником Александром Цесарем (!) и боярином Исааком Окинфовым.

⁴⁸ Своеобразный компромисс между первой и третьей версиями предложен А. А. Шахматовым в реконструкции 1916 г., где окончание фразы представлено в виде: «отъ Михаила цѣсаря до Олексія...». В примечании к этому месту Шахматов писал: «Приписку “и Исакия” я считаю позднейшею и возникшею под влиянием Повести о взятии Царьграда латынянами» [Шахматов 1916 (2003): 940, 968].

ным. Важно также, что «начало Русской земли» имеет в НІЛ (Начальном своде) точную дату — 6362 г.; было бы странно, если бы на другом конце охваченного летописью периода ей соответствовало хронологически размытое «наше время».

Недостатком третьей версии является необходимость предполагать редактуру там, где текст не дает для этого специальных оснований. Впрочем, формальных противоречий это предположение также не встречает. Иначе считает К. Цукерман [Цукерман 2009: 285], находя, что без слов «отъ Михаила цѣсаря до Александра и Исакия» предшествующая фраза оказывается синтаксически и в смысловом отношении неполной. Не согласимся с этим: фраза «Мы же отъ начала Русьскыя земля и до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ» является вполне законченной и в принципе не нуждается в распространении. Более того, в предисловии к летописи, ведущейся из года в год, отсутствие событийной конкретизации «верхнего» временного предела повествования кажется даже естественным, поскольку предел этот постоянно смещается.

При описанном соотношении *pro et contra* предпочтение, отданное одной из трех версий, будет неизбежно носить отпечаток субъективного выбора. Нужно признать, что данный вопрос не принадлежит к числу тех, от решения которых зависит атрибуция Предисловия, — напротив, выбор возможных вариантов его решения нужно ставить в зависимость от этой атрибуции. Считая Предисловие памятником конца XI в. — для чего, на наш взгляд, есть все основания, — мы, естественно, должны выбирать между первой и третьей версиями. Сделать этот выбор мы затрудняемся и оставляем вопрос открытым.

Подведем итоги нашего комментария, а заодно и статьи в целом. Задача этой работы заключалась в установлении первоначального текста Предисловия и его детальном филологическом анализе. С этой целью была принята реконструкция архетипа начала XV в., к которому восходят все известные списки памятника.

Наличие в реконструированном архетипе нескольких очевидных ошибок, а также характер этих ошибок, объяснимых лишь как результат нераспознавания писцом ветхого антиграфа, позволили нам утверждать, что архетипу начала XV в. предшествовал оригинал, отделенный от него значительной временной дистанцией. Этот вывод несовместим с трактовкой Предисловия как памятника XV в. и, напротив, хорошо согласуется с гипотезой, согласно которой Предисловие читалось в составе Новгородской владычной летописи, по крайней мере, с начала XIII в.

Черты современной действительности, отчетливо проступающие в Предисловии, также с полной определенностью указывают на его древность. В обществе, порядки которого критикует автор, главной формой уголовного наказания является вира, а жены княжеских дружинников ходят в золотых обручах. Столь архаичный уклад никак не вяжется с датировкой тек-

ста началом XV в. — времени, не знавшего уже ни виры в ее раннедревнерусском понимании, ни дружины.

В пользу ранней датировки Предисловия определенно говорят и языковые данные. На грамматическом уровне показательны глагольные формы прошедшего времени: имперфект совершенного вида *будяше* и противопоставление форм перфекта (*навель*) и «русского» плюсквамперфекта (*росплодили были*) в их древних значениях актуального и отмененного результата. Лексическими приметами древности являются слова *зълъ* и *отъбарати*, архаичность которых заставляла переписчиков XV в. искать для этих лексем более понятные замены.

Для характеристики языка Предисловия важно наличие в его словаре ряда редких лексем (*въименоватися*, *статие*, *каменозьданыи*, *отъбарати*), а также использование автором формульных грецизмов *на послѣдование възвратимъся* и *си же таковая*, пока не обнаруженных в других славянских источниках. Все это выдает руку опытного книжника, хорошо владеющего ресурсами церковнославянской лексики и умело использующего ее выразительные возможности. Под стать этому и риторическая компетентность автора: его способность грамотно выстроить сложный период, использование повторов, хиазмов, синтаксического параллелизма.

Беспочвенность трактовок Предисловия как малограмотного сочинения новгородского книжника XV в. представляется в свете сказанного очевидной⁴⁹. Этого нельзя сказать о традиционной альтернативе шахматовской атрибуции: текст, обладающий указанными чертами, теоретически мог быть создан и в Новгороде первой трети XIII в.⁵⁰ Главные аргументы в пользу отнесения Предисловия к Начальному своду лежат поэтому не в стилистической, а в содержательной плоскости. По ходу нашего комментария мы имели возможность уточнить ранее высказанную позицию и отреагировать на последние критические соображения оппонентов Шахма-

⁴⁹ Подлинные характеристики языка и стиля Предисловия столь разительно расходятся с их оценкой в статье С. Фоллина, что мы склонны видеть в последней остроумную провокацию, имевшую целью привлечь внимание филологов к этому замечательному памятнику. Слова же о «топорности» этой «поделки» невольно вызывают в памяти знаменитый «укор» киевского воеводы Волчьего Хвоста, обращенный к новгородцам накануне Любечской битвы: «...а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити нашихъ...»

⁵⁰ Характерно, правда, что в статьях НЛ этого времени мы совершенно не находим стилистических параллелей Предисловию (если не считать восклицания о Божьем промысле в статье 1216 г., непосредственно восходящего к нему). Такие параллели, между тем, обнаруживаются в статье 1093 г. ПВЛ. В описании последствий половецкого нашествия мы застаем концентрацию редкой лексики, принципиально сходной с лексикой Предисловия. Ср.: «*многовецныи* имуще раны» (в др. источниках не зафиксировано; ср. гапакс *каменозьданыи* в Предисловии), «на хъѣаньсть родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда *оупространиса*», «*тако съоупрашаютса* со слезами родъ свои повѣдающе и въздышюче».

това. В частности, мы разобрали и нашли необоснованными соображения К. Цукермана, призванные дезавуировать шахматовский анализ содержания Предисловия.

Не достигают цели и аргументы С. Фоллина, долженствующие продемонстрировать знакомство автора Предисловия с полным текстом ПВЛ. Отсутствие достоверных свидетельств такого знакомства особенно показательны на фоне целого ряда бесспорных отсылок Предисловия к летописному тексту в объеме Начального свода. Те же параллели, которые связывают Предисловие с текстом, отсутствовавшим в Начальном своде, обнаруживают зависимость ПВЛ от Предисловия⁵¹.

Чрезвычайно важны для атрибуции Предисловия его нелетописные источники. Характеризуя их, я писал ранее, что Предисловие идеально вписывается в контекст киевской литературы XI—XII вв. С. Фоллин справедливо заметил на это, что данный круг источников представлял собой открытый корпус, который с равным успехом мог быть использован и автором XV в. Соглашаясь с этим, отметим как принципиально важное то обстоятельство, что Предисловие не просто базируется на текстах, имевших хождение в Киеве в XI в., но использует те же источники, которые прослеживаются и в Начальном своде: Хронику Амартола (по всей вероятности, в хронографическом изложении), Слово о законе и Благодати, Беседа Пресвитера Козьмы, Откровение Мефодия Патарского (при этом в последнем случае можно, по-видимому, говорить об использовании в Предисловии и статье 1024 г. одного и того же пассажа источника).

Особое значение мы придаем факту отражения в Предисловии заголовков разделов Хроники Георгия Амартола, к которым восходит, с одной стороны, название «Временникъ русьскихъ князь...», а с другой — фундаментальное для композиции Начального свода понятие «начала земли Русской». К ним же восходят и летописные рубрики, отмечающие начала княжений и включенные в текст Начального свода одновременно с разнесением по годам сплошного повествования его источника. Вместе с прямыми заимствованиями из Хронографа в статьях 6362 и 6428 гг. эти заглавия, рубрики и даты создают единый «хронографический» план, связывающий Предисловие и основной текст Начального свода теснейшими композиционными узлами. Об идейных основаниях этой композиции и ее месте в истории начального летописания мы уже подробно писали [Гиппиус 2006]⁵². Первичность данной композиции по сравнению с ПВЛ обнару-

⁵¹ Заметим, что сформулированная С. Фоллиным альтернатива — или Предисловие использовало летописный текст, или позднейшие летописи черпали из Предисловия — абсолютно искусственна: как всякий текст, являющийся звеном литературного процесса, Предисловие имело свои источники и само было источником для других текстов.

⁵² Частью преобразования, которое летописная композиция претерпела в Начальном своде, мы считаем элиминацию этно-географического введения, в «зача-

живается как в трактовке последней начал царств и княжений (вытеснение «глагольной» моделью «именной»), так и в ее заглавии, отталкиваемом от Предисловия и использующем новый хронографический источник — «Летописец вскоре».

Под конец еще раз окинем взглядом композицию самого Предисловия. Она образована соединением двух рассуждений (с. 7—25 и 28—56), представляющих собой, по существу, обширные отступления от основной нити рассказа. Отправляясь от тем, названных в заглавии «Временника», эти рассуждения приводят читателя к выводам о благотворности обращения к Церкви и необходимости нравственного исправления. Закончив первое рассуждение, автор обращается к главной теме — началу Русской земли, но затем сразу же пускается во второе и, лишь завершив его, приступает к теме уже вплотную, предварительно очертив хронологические рамки рассказа.

точной» форме присутствовавшего в источнике Начального свода, а впоследствии, в расширенном виде, восстановленного в ПВЛ с опорой на этот источник. Известные нам критические оценки этого предположения сводятся к определениям его как «слишком сложного», «недоказуемого», «маловероятного» и проч. [Фоллин 2009: 149; Цукерман 2009: 287]. Однако сложность построения вызвана в нашем случае лишь необходимостью объяснить совокупность фактов, не укладывающуюся ни в одну из предлагаемых простых схем. Не составляет исключения и новейшее предложение К. Цукермана. Странное начало открывающейся на полуфразе первой статьи Н1 («Живяху кождо с родомъ своим...») исследователь объясняет произведенной в 20-х гг. XIII в. реставрацией рукописи, первый лист которой к этому времени пришел в ветхость и с лицевой стороны был практически не читателен. Этот ветхий лист с текстом этно-географического введения, владычный летописец, согласно Цукерману, «заменяет на свое пространное Предисловие, подогнав покороче начало собственного летописного повествования под тот сегмент текста, который читался в начале второго листа рукописи» [Цукерман 2009: 288]. Механизм этой «подгонки» вызывает по меньшей мере два вопроса. Во-первых, если второй лист открывался словами «Живяху кождо с родомъ своимъ» (что, по видимому, предполагает Цукерман), то где в еще «не отреставрированной» рукописи читалась дата 6362 г. и заголовок «Начало земли русской», которые ныне непосредственно предшествуют этой фразе? Заголовок, положим, мог и отсутствовать; но даты-то, обозначающей начало царствования упоминаемого далее в тексте Михаила III, не быть не могло! Смещая эту дату выше по тексту гипотетического введения, мы рискуем «датировать» таким образом раздел земли сыновьями Ноя. Если же допустить, что дата с самого начала находилась на своем месте, предположение о «реставрации» оказывается излишним. Во-вторых, если появление «обрубка» этно-географического введения в начале статьи 6362 г. объясняется заменой листа и подгонкой текста, то как объяснить, что такие же, по существу, «обрубки» мы находим и в тех местах, где годовые даты, вклинившиеся в связанное повествование, разделяют части некогда цельных фраз? Зачем предлагать два разных объяснения там, где достаточно одного? Наша гипотеза не встречает подобных затруднений: разделение сплошного нарратива на годовые статьи, «усечение» этно-географического Введения и написание Предисловия мы атрибутируем одному лицу — составителю Начального свода.

Два витка этой композиционной спирали, в свою очередь, двухчастны: первый открывается рассуждением о названии Киева (7—15) и продолжается картиной торжества христианства над язычеством в Русской земле (16—25); второй начинается панегириком прежним князьям и их дружинам (28—42) и продолжается увещаниями, обращенными к современной киевской элите (43—56). В обоих циклах прошлое сравнивается с настоящим, но при этом отношения между «древле» и «ныне» оказываются противоположными: в первом рассуждении настоящее, противопоставленное языческому прошлому, предстает как время раскрытия божественного промысла в отношении Русской земли; во втором — оно выступает как время общественного упадка и деградации нравов. В этом противоречии — амбивалентность «последнего времени», в котором, по мысли летописца, разворачивается история Русской земли.

Кульминации двух рассуждений (делящие их, заметим, на почти равные отрезки: 9 / 10 и 15 / 14 строк) образуют фразы, раскрывающие провиденциальный смысл происходящего: «Великъ бо есть промысль Божии, еже яви въ послѣдняя времена!» и «За наше несътъство навель Богъ на ны поганяя». Мысль о богоизбранности Русской земли увязывается таким образом с объяснением нашествия поганых как наказания за грехи ее правителей и их окружения. Сопоставление этих двух идей предвосхищает их объединение в патетическом финале статьи 1093 г., в котором масштабы бедствия, обрушившегося на Русскую землю, прямо соотносятся с высотой ее исторического предназначения: «Да никтоже дерзнетъ рещи, яко ненавидими Бѣмъ есмь! да не будетъ! Кого бо тако Бѣ любить, якоже ны възлюбиль естъ? Кого тако почель естъ, якоже ны прославиль естъ и възнесль? никогоже! Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы, якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше Влѣчно волю дѣюще, и презрѣвши в лѣпоту паче инѣхъ казними есмь» [Лавр., 225].

И последнее. Как можно было заметить, в своем комментарии к тексту Предисловия мы исходили из гипотезы Шахматова об отражении в древнейшей части Н1Лмл Киевского Начального свода 1090-х гг., считая эту гипотезу уже доказанной — для чего, на наш взгляд, есть все основания⁵³. Принятие этого положения автоматически делает атрибуцию Предисловия тому же Начальному своду наиболее экономным текстологическим решением. Усложнять реконструкцию, отрывая Предисловие от его непосредственного продолжения в Н1Л, имело бы смысл, если бы такая трактовка наталкивалась на непреодолимые препятствия, однако таковые отсутствуют. Между тем количество отдельных фактов и текстуальных связей, получающих объяснение исходя из такой атрибуции, с течением времени неуклонно растет, подтверждая справедливость взгляда на Предисловие к «Временнику», обоснованного А. А. Шахматовым в статье 1909 г.

⁵³ См. [Гиппиус 2006: 59—60]; новейшие попытки опровержения этой гипотезы представляются столь же малообоснованными, как и предыдущие, и будут в ближайшее время разобраны отдельно.

Л и т е р а т у р а

Абрамович 1916 — Д. И. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916.

Алексеев 1991 — А. А. А л е к с е е в. *Dativus ethicus* в «Слове о полку Игореве» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 3—18.

Алешковский 1971 — М. Х. А л е ш к о в с к и й. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Алешковский 1981 — М. Х. А л е ш к о в с к и й. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104—111.

Анисимова 2009 — Т. В. А н и с и м о в а. Хроника Георгия Амата в древнерусских списках XIV—XVII вв. М., 2009.

Бегунов 1959 — Ю. К. Б е г у н о в. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 229—237.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси // РАН. ИРЛИ / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997.

Бобров 2001 — А. Г. Б о б р о в. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Вздорнов 1972 — Г. И. В з д о р н о в. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255—269.

Вилкул 2003 — Т. В и л к у л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. XI. P. 5—35.

Вилкул 2007 — Т. В и л к у л. Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2007. Vol. XV. № 2. P. 56—116.

Водолазкин 2008 — Е. Г. В о д о л а з к и н. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков) СПб., 2008.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гимон 2006 — Т. В. Г и м о н. Редактирование летописей в XIII—XV вв.: различия между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 112—125.

Гиппиус 1997 — А. А. Г и п п и у с. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3—72.

Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997—2000 гг., М., 2004. С. 228—229.

Гиппиус 2006 — А. А. Г и п п и у с. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56—96.

Гиппиус 2008а — А. А. Г и п п и у с. Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 20—23.

Гиппиус 2008б — А. А. Г и п п и у с. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 109—129.

Гиппиус 2008в — А. А. Г и п п и у с. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3—24.

Гиппиус 2009а — А. А. Г и п п и у с. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 23—24.

Гиппиус 2009б — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. СПб., 2010. С. 181—198.

Горский 1989 — А. А. Г о р с к и й. Древнерусская дружина. М., 1989.

Данилевский 1997 — И. Н. Д а н и л е в с к и й. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 172—220.

Духанина 2008 — А. В. Д у х а н и н а. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого. АКД. М., 2008.

Живов 2008 — В. М. Ж и в о в. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 309—328.

Ефрем Сирий — Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Сергиев посад, 1912. Т. 3.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зиборов 1995 — В. К. З и б о р о в. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. Л., 1995.

Зимин 1999 — А. А. З и м и н. Правда русская. М., 1999.

Ипат. — ПСРЛ. Ипатьевская летопись / Ред. А. А. Шахматов. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2.

Истрин 1897 — В. М. И с т р и н. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.

Истрин 1920 — В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1.

Клим. Охр. — Климент Охридски. Събрани съчинения / Ред. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Х. Р. Кодов. София, 1970. Т. 1.

Кистерев 2000 — С. Н. К и с т е р е в. Ссылки на киевский источник в тексте Софийской I летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2000 г. М., 2000. С. 71—75.

Клосс 1974 — Б. М. К л о с с. Новгородская 5-я летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 252—270.

Кузьмин 1977 — А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Кучкин 1998 — В. А. К у ч к и н. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М., 1998.

Лавр. — ПСРЛ. Лаврентьевская летопись / Ред. Е. Ф. Карский. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1.

Лихачев 1986 (1948) — Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154—184.

Лукин 2007 — П. В. Лукин. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3—20.

Лурье 1976 — Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Майоров 2008 — А. В. Майоров. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 91—108.

Мальшева 2008 — А. В. Мальшева. Вариативность генитива и аккузатива при глаголах с общим значением 'беречь, защищать' в русских летописях // Рус. яз. в науч. осв. 2008. № 1 (15). С. 57—78.

Михеев 2008 — С. М. Михеев. Отражение Начальной летописи в Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 45—59.

Михеев 2009 — С. М. Михеев. «Святополк съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015—1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках // Славяно-германские исследования. М., 2009. Т. 4.

Мюллер 2000 — Л. Мюллер. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.

Назаров 1978 — В. Д. Назаров. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 112—124.

Накадзава 2002 — А. Накадзава. Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма (Япония), 2006.

НГБ XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004.

НК — ПСРЛ. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. Т. 42.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и дополн., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

Петрухин 1998 — В. Я. Петрухин. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. С. 354—363. Т. 2.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Погодин 1857 — М. П. Погодин. Новгородские летописи // ИОРЯС. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1857. С. 209—233.

Приселков 1996 — М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1—43. СПб./Пг./Л.; М., 1841—2004.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Т. 1.

Слово 1858 — [Аноним]. Слово в память св. Леонтия, епископа Ростовского // Православный собеседник. 1858. № 1. С. 421—431.

Сорокалетов 1970 — Ф. П. Сорокалетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970.

Стефанович 2009 — П. С. Стефанович. Дружина в начальном летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 6—51.

Тихомиров 1962 — М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ. 1960. М., 1962. С. 234—243.

Толочко 2008 — А. Толочко. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. Київ, 2008. Т. VII. С. 154—165.

Турилов 1995 — А. А. Турилов. «Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (новгородский памятник XII века в контексте русско-южнославянских связей) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1995. С. 83—104.

Фоллин 2009 — С. Фоллин. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // Ruthenica. Vol. 7. Київ, 2009. С. 140—153.

Цукерман 2009 — К. Цукерман. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Вып. 1. Paris, 2009. С. 183—306.

Шахматов 1909 (2003) — А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. Т. 13. Кн. 1. 1909. С. 213—270. [Переизд.: Шахматов 2003. С. 380—413].

Шахматов 1916 (2003) — А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. [Переизд.: Шахматов 2003].

Шахматов 1938 — А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Шахматов 1947 — А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947.

Шахматов 2003 — А. А. Шахматов. История русского летописания. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб., 2003.

Шибяев 2001 — М. А. Шибяев. Софийская 1-я летопись младшей редакции. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

Щавелева 2004 — Н. И. Щавелева. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—V): Текст, перевод, комментарии. М., 2004.

Müller 2001 — Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56), München: Fink, 2001.

Timberlake 2001 — A. Timberlake. Redactions of the Primary Chronicle // Рус. яз. в науч. осв. 2001. № 1. С. 196—218.

Summary

The article presents a textological investigation of the Introduction to the Younger recension of the Novgorod First Chronicle, also preserved in the Novgorod-Sophia group

of chronicles. Comparison of extant copies has led to a new reconstruction of the archetype dated to the early 15th century. A detailed philological commentary of the reconstructed text reveals numerous archaisms in its language and clear indications of its primacy with respect to the *Povest' vremennykh let*. These conclusions support A. A. Shakhmatov's theory identifying this text as the Introduction to the *Kievan Nachalniy Svod* (Initial Chronical Compilation) of the 1090s.

Ключевые слова: текстология, русские летописи, Повесть временных лет, Новгородская первая летопись, Начальный свод, А. А. Шахматов, реконструкция архетипа, филологический комментарий, язык, источники.

Keywords: textual criticism, Russian chronicles, Tale of Bygone Years, First Novgorod chronicle, Initial Compilation, A. A. Shakhmatov, archetype, reconstruction, philological commentary, language, sources.